

Юбилей

А.М. Миллер

Служение ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

*К 100-летию со дня рождения
П.Ф. Беликова*

*Широко Мое дело, всем дано место.
Ширину взгляда отмерите свой кусок.
Явление неслыханных возможностей
за дверями, дайте радость Нам.*

Листы Сада М., кн.2, ч. 2, § 3

Павел Федорович Беликов (1911–1982) является одним из основоположников рериховедения. Благодаря библиографии литературных трудов Н.К. Рериха, которую он составил и опубликовал при активной поддержке Юрия Лотмана в 1968 году в «Ученых записках Тартуского университета», была открыта возможность широкого исследования жизни и творчества Н.К. Рериха и его семьи. Беликов (в соавторстве с В.П. Князевой) написал первую книгу о Рерихе, вышедшую в популярной серии «Жизнь замечательных людей» в 1972 году. «Конечно, я считаю эту книгу лишь слабым отзвуком чувств и мыслей, которые не облечь в обычные человеческие словосочетания, – писал он С.Н. Рериху. – Остается только надеяться, что эта первая более-менее подробная и систематизи-

рованная биография Н.К., в которой раскрыт и его внутренний творческий мир, послужит фундаментом для дальнейших работ и исследований»¹.

Издательская деятельность, организация научных конференций и выставок картин Рерихов, борьба за сохранение их наследия, переписка с общественностью и учеными – вот направления работы, в которых Беликов принимал активное участие, а зачастую был и главным их организатором и вдохновителем. На каждом из этих направлений Павел Федорович проявил себя как творческий человек, глубоко понимающий значение духовного возрождения народа.

Важнейшей задачей для Рерихов в их культурном строительстве была передача накопленных ими за время долгих путешествий по Востоку научных материалов на родину, в Россию. Политическая обстановка в СССР этому не способствовала, грубый материализм и тоталитарная форма правления привели к тому, что любая идея, так или иначе касающаяся духовности, преследовалась государственной машиной. Пальцев на одной руке хватило бы, чтобы перечислить тех, кто глубоко понимал значение духовного наследия Рерихов и притом был реально способен сделать его достоянием русской культуры. Павел Федорович был одним из тех, кто трезво смотрел на ситуацию, сложившуюся в стране. Беликов жил в эстонской провинции, не имел официальных званий и научных степеней и регалий, но будучи от природы человеком незаурядных организаторских способностей, смог провести в жизнь многое из того, что впоследствии послужило хорошей базой для возвращения наследия Рерихов в Россию.

К моменту приезда Юрия Николаевича на Родину Беликов сформировался как сотрудник, и в его лице Юрий Рерих нашел надежную опору. Официальные общественные организации были политизированы и стояли далеко от истинного понимания культуры. Научные круги были слишком материалистически настроены, чтобы серьезно понять тот духовно-научный материал, который предлагали стране Рерихи. Павел Федорович Беликов смог отыскать людей, как в общественной, так и в научной среде, которые были способны воспринять, хотя бы в малой степени, цели и задачи Рерихов, и, пробиваясь сквозь толщу идеологической брони, постепенно стал формировать новый взгляд на их наследие, расширяя круг единомышленников.

«Очевидно, приходится запастись терпением и, где можно, выправлять и направлять общее для всех дело...» (22.08.75), – писал он своим корреспондентам. «Трудно с людьми, но легче никогда и не было» (13.11.79). «Там, где можно, поддерживайте и налаживайте хорошие контакты. Действуйте везде по принципу “более длинной линии”, т.е. старайтесь больше дать, больше заинтересовать и меньше идти на столкновения, которые, как правило, позитивных результатов не имеют...» (13.11.78). «Нужно действовать методом радости свободного познания, радостным восприятием всей жизни, полным признанием индивидуального подхода к духовному раскрытию Бытия, частью которого мы являемся. Между дисциплиной духа и “палочной” дисциплиной казармы – непроходимая пропасть...» (13.10.78).

Беликов был замечательным эпистолярным собеседником. Николай Константинович Рерих написал ему в 1939 году: «В каждом Вашем письме заключено что-то строительное и бодрое» (15.05.39). «Я начал переписываться с Н.К. Рерихом еще в середине тридцатых годов, причем первым написал не я ему, а он мне», – рассказывал Павел Федорович одному из своих корреспондентов. Вспоминая о Н.К. Рерихе, Беликов писал: «Увидеть в малом большое и не потерять в большом малое, это было какое-то особое свойство Рериха, которое я лично испытал на себе. Ведь ему было за шестьдесят, а мне только 25 лет, когда мы интенсивно переписывались <...> И, давая мне очень многое, он ни разу не дал почувствовать различие наших положений» (10.02.72)².

Письма Беликова «...могут служить блестящим пособием для усвоения метода, которым в совершенстве владели Рерихи, умевшие эффективно и без упрощения “переводить на общедоступный язык” основополагающие идеи учения Живой Этики...»³. Беликов сформировал целый слой интеллигенции, которая глубоко осознала значение идей Рерихов для будущего. Ростки мировоззрения Новой Эпохи дали первые всходы, и Павел Федорович, как усердный садовник, вырывал сорняки мысли и ухаживал за цветами прекрасных идей. Имея таких духовных руководителей, как Юрий Николаевич и Святослав Николаевич Рерихи, Беликов ощущал мощную поддержку и мог сверять правильность своего курса. В течение всей жизни он был верен этой незыблемой связи между учеником и Учителем, и, конечно, поэтому смог многое сделать.

¹ Из архива П.Ф. Беликова. Козе-Ууэмыйза. Эстония. Цит. по: «В каждом Вашем письме заключено что-то строительное и бодрое» // Культура и время. № 1/2, 2002. С. 126.

² См.: Из архива П.Ф. Беликова. Козе-Ууэмыйза. Эстония. Цит. по: «В каждом Вашем письме заключено что-то строительное и бодрое» // Культура и время. № 1/2, 2002. С. 125–145, 279–280.

³ Книжник Т.О. Хранитель // Культура и время. № 1/2, 2002. С. 280.

Воспринимая от Рерихов мир высоких идей, он и сам стал источником этих идей для других, для тех, кто только начинал свой духовный поиск в жизни. Каждый, кто обращался к Павлу Федоровичу за помощью и советом, находил в его лице и друга, и духовного наставника. Постепенно вокруг Беликова формировалось пространство Рериховского движения. С середины XX века он стал связующим звеном, через которое Рерихи могли эффективно сотрудничать с этим движением. По сути дела, к началу 1970-х годов он стал предтечей того Центра, который образовался в России после крушения тоталитарного режима.

Ю.Н. Рерих возродил духовную основу востоковедения в СССР, создал энергетическое поле для возрождения духовности в России. С.Н. Рерих продолжил миссию Рерихов на Земле после ухода родителей и брата. Беликов, как сподвижник Рерихов, стал активным участником великой мистерии одухотворения страны, поистине космического процесса формирования нового мышления планеты.

Будучи тонко чувствующим человеком, философом по своей природе, Павел Федорович, естественно, мечтал написать книгу, посвященную духовной стороне жизни Рерихов, поразмышлять над высокими идеями, заложенными в Живой Этике. К сожалению, этой мечте суждено было сбыться лишь частично. Преждевременный уход оборвал работу, и труд его остался незаконченным. Книга П.Ф. Беликова «Рерих: опыт духовной биографии» служит завещанием для будущих исследователей наследия Рерихов. В те годы, когда она писалась, даже фрагментарное ее издание казалось задачей невыполнимой, – столь разительно отличался мир идей этой книги от существовавшего тогда в стране поля культуры.

Работать над книгой Беликов начал в семидесятых годах прошлого века. В это же время он начал другой труд – книгу, посвященную жизни и творчеству Святослава Рериха, а также активно участвовал в организации первых и вторых Рериховских чтений в Сибирском отделении АН СССР. Беликов собрал уникальный для тех лет архив о жизни Рерихов. Во многом благодаря этому архиву, переписке и непосредственному общению со Святославом Николаевичем ему удавалось правдиво освещать многие события из жизни Рерихов. В письмах С.Н. Рериха мы не находим прямых указаний по поводу духовной биографии Рериха-старшего, к тому же переписка часто прерывалась на весьма долгое время из-за его занятости, но несмотря на это Беликов постоянно ощущал невидимую поддержку своим устремлениям: «Давно

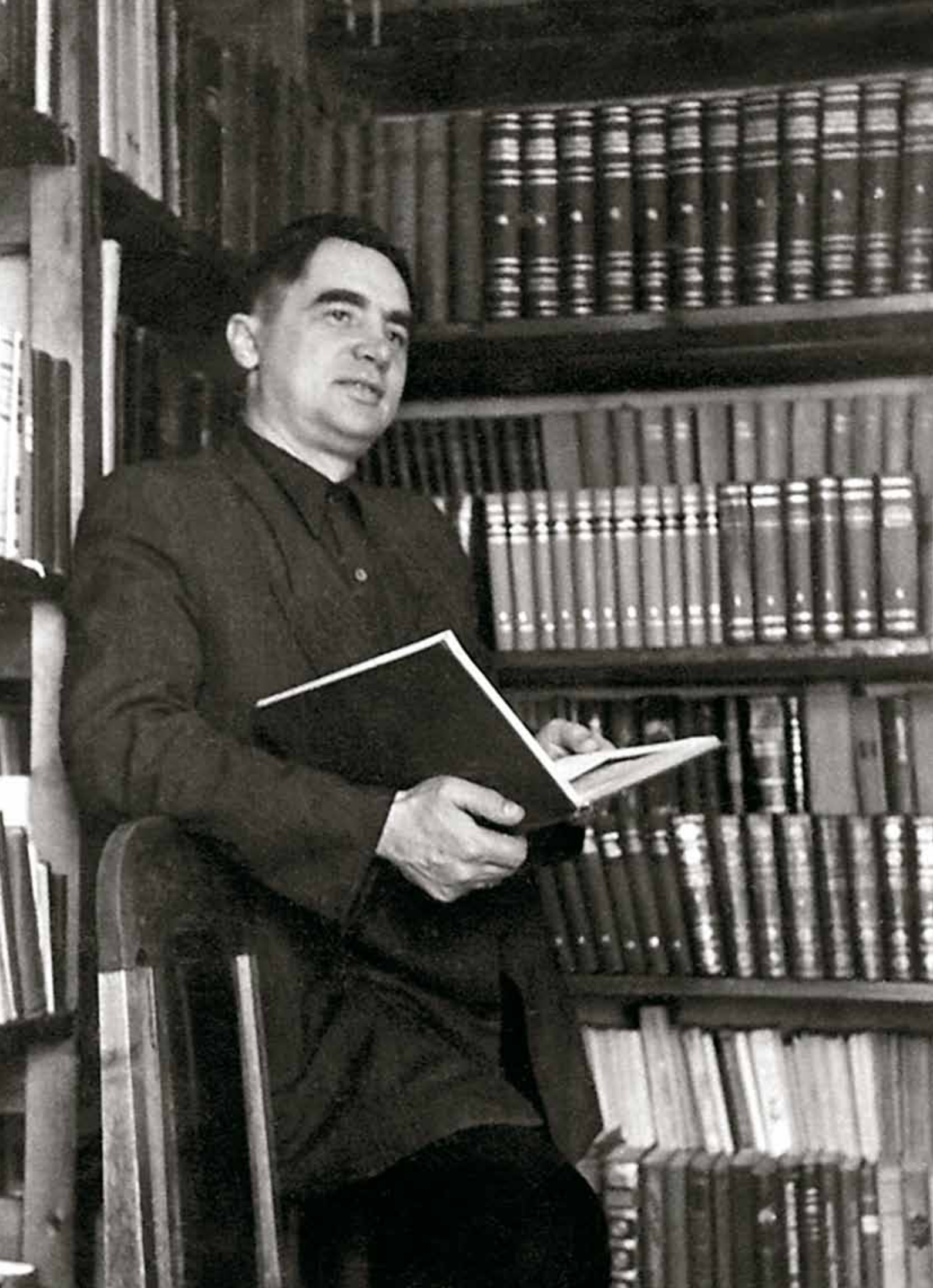
Павел Федорович Беликов. 1939

не писал Вам, хотя часто думал о Вас и чувствовал Ваши мысли»⁴. В другом письме: «На выставку Н.К. я пришлю его картину “Клад захороненный”. Сколько в ней смысла, сколько в жизни Н.К. именно этого “Клада захороненного” – до времени!»⁵, – писал ему Святослав Николаевич.

Прежде чем приступить к такой сложной теме, как раскрытие духовного образа человека, необходимо было четко представить, что же включает в себя понятие духовности. Размышляя на эту тему, Беликов пишет: «Духовность очень сложное понятие и единого для всех объяснения не имеет. Ведь на эту тему написаны тысячи книг. Большинство культурных ценностей человечества считается результатом духовной жизни человека. Внутрен-

⁴ Рерих С.Н. Письма. Т. II. М.: МЦР, 2005. С. 351.

⁵ Там же. С. 324.

Первая Всесоюзная научная конференция «Рериховские Чтения». Слева направо: П.Ф. Беликов, А.В. Шапошникова, М.И. Качальская, Е.П. Маточкин. Новосибирск, 1976

няя культура человека – тоже духовность. Радость, устремление, доброта, совесть, спокойствие – различные проявления духовной структуры или духовной жизни человека, но они – только определенные качества, а не основа духовности в том смысле, как это имеется в виду в “Зове”. В этом смысле духовность – постоянное ощущение Высшего начала и преобладание силы духа над ограниченными желаниями и стремлениями чисто земного плана. Именно только такая сила духа, которой подчиняются все эгоистические побуждения, поддерживает мост общения с Высшим. Добрых и знающих людей на свете не так уж мало, но только доброты и знания без силы духа, конечно, недостаточно для того, чтобы иметь контакты с Высшим»⁶.

Присутствие Огненного мира в основе каждого культурного начинания на Земле до сих пор осознается нами весьма смутно. Мы скорее склонны воспринимать это присутствие как поэтический вымысел, как метафору, но не как жизненную, реальную основу. Беликов, рассказывая о духовной

биографии Рерихов, раскрывает перед нами этот необыкновенный узор Жизни – узор Огненного мира в их земных делах. Он ведет читателя от момента первых проявлений Учителя к духовному преображению, осознанию миссии Рерихов, четко удерживая канву повествования в фарватере фактов, прокладывает путь от сосредоточения земного к огненному, от житейских коллизий до высших сфер, помогая нам понять величие личностей Николая Константиновича и Елены Ивановны.

Цитируя отрывки из их семейной переписки, Беликов предупреждает читателя, что и высокие духи должны пройти путь земного сосредоточения. Земной путь и тернист, и опасен, и человекен, но это не умаляет образы великих людей, а открывает перед читателем истинную картину подвига – преодоление грубости материального мира. Не небожители с арфами, а земные труженики, отразившие в своих делах огненный зов, прокладывают путь к Миру Высшему. Беликов пишет: «Их “сосредоточение земное”, предшествовавшее “со-

⁶ Письмо П.Ф. Беликова к Г.П. Орленко. Непрерывное восхождение. Т. 2. М., 2003. С. 231.

средоточению тонкому и огненному», – это ступень, которую рано или поздно следует пройти каждому, и с чьей же, как не их помощью!»

Вот почему тщательный анализ доступных нам сторон биографии Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов столь важен. Безусловно, такой анализ не даст результатов или будет даже вредоносным, если мы хоть на миг упустим из виду, что в «знаменателе» у нас уже имеются все показатели о приобщении Николая Константиновича и Елены Ивановны к «сосредоточению огненному». Это единственно правильный критерий при оценках событий первого периода их жизни. Вместе с тем ошибочно забывать и то, что у них самих этого критерия в руках тогда еще не было⁷.

В письмах к Беликову Святослав Николаевич выражал обеспокоенность, что многие так называемые исследователи творческого наследия Рерихов стремятся оторвать его отца от земного плана и преподносят его чуть ли не как небожителя, человека, не обремененного земными трудностями и живущего поверх обстоятельств плотного мира: «Ведь необходимо охранить Истинный облик Н.К. и надо всячески избегать какой-либо бутафории»⁸.

Павел Федорович показывает, с каким трудом Рерихам приходилось прорываться через мир плотной материи к мирам иных состояний и измерений. Принцип воздействия и преобразования материи через материю автором освещен очень точно. «Конечно, Н.К. и Е.И. не нуждались для пробуждения своего духа в “мече и молнии”, однако различие между степенями развития их духа и уровнем массового сознания эпохи поставило их лицом [к лицу] с прототипами “клише первых творений”. Оставаясь верными формуле “смертию смерть поправ”, Н.К. и Е.И. преодолевали пропасть разрыва между низшим материальным миром и миром духовным, к высшим сферам которого принадлежали, исключительно по законам воздействия материи через материю. Этот закон соблюдался ими на всех этапах их жизненного пути и особенно давал о себе знать в раннем периоде, когда поначалу их дух лишь смутно ощущал себя; затем, приспособившись к существующим на земле условиям, стал прорываться в Высшие Сферы, устанавливая связь между мирами»⁹.

Беликов открывает перед читателем часто скрытую от взора поверхностного исследователя архивов стройную систему восхождения Рерихов по ступеням жизни от низшего к высшему, от материи к духу, от житейских трудностей к высшим

задачам, показывает, что житейские трудности не исчезают с горизонта жизни Рерихов, но воспринимаются ими в дальнейшем как явления, ведущие все к той же Высшей цели.

«Земной путь Е.И. и Н.К. – путь Архатов. Величайшим чудом для них была сама Жизнь, а не отклонение от ее закономерных проявлений. Как истинные Архаты и Посланники Шамбалы, Е.И. и Н.К. считались со строгой последовательностью и ограниченностью средств и методов в беспредельном, а следовательно, и в Земном строительстве. Усвоить эту последовательность, распознать земную ограниченность средств необходимо каждому, в каждом новом воплощении, ибо те или иные – не являются постоянными величинами, а изменяются в процессе общечеловеческой эволюции. На нашем этапе эволюции даже такой несовершенный и условный регулятор, как деньги, невзирая на все допускаемые им искажения, все-таки показывает, насколько мы усвоили общий закон равновесия, как научились в своих действиях рационально, не прибегая к явно неоправданным “авансам” и не впадая в иждивенчество пассивного выжидания “подачек”»¹⁰. С.Н. Рерих в своих письмах часто писал Беликову о жизненном кредо его отца. «Редко, очень редко встречаются люди с таким широким Пан-человеческим подходом к жизни. Будучи горячим патриотом, он, исходя из этой точки, объединял все человечество. Для него вся жизнь была великим Праздником Неустанного Творчества, Самоосознания, Служения ближним. Я несказанно ценю Ваши заботы выявить Истинный Лик Николая Константиновича»¹¹.

Наверное, каждый из нас может сказать, что часто наши надежды не оправдывались именно из-за того, что не была продумана последовательность действий, не были учтены реальные возможности, «и гибли замыслы с размахом». Автор духовной биографии раскрывает перед нами эту сторону деятельности Рерихов и тем самым, возможно, спасает не одну человеческую судьбу. Как часто мы впадаем в иллюзию легкого восхождения и считаем, что коль скоро мы заинтересовались духовными вопросами, то проблемы земные нас больше не коснутся и ангелы вознесут над каждой кочкой. Для тех, кто интересуется действием Кармы, я думаю, будет не безынтересно прочитать о периоде земного сосредоточения Рерихов.

Астральный мир – тоже очень актуальная тема. На этом поле изучения жизненного пути Рерихов не меньше вымыслов, чем на земном. Здесь и мас-

⁷ Беликов П.Ф. Рерих: опыт духовной биографии. М.: МЦР, Мастер-Банк, 2011. С. 59.

⁸ Рерих С.Н. Письма. Т. II. М., 2005. С. 240.

⁹ Беликов П.Ф. Рерих: опыт духовной биографии. С. 59–60.

¹⁰ Там же. С. 78.

¹¹ Рерих С.Н. Письма. Т. II. С. 236.

Павел Федорович Беликов, Святослав Николаевич Рерих и Борис Борисович Пиотровский на выставке С.Н. Рериха в Государственном Эрмитаже. Ленинград. Январь 1975 г.

штабы другие, и последствия куда более разрушительные, если подход к изучаемой теме неправильный. В книге П.Ф. Беликова эта астральная область освещена как нельзя кстати. В связи с тем, что в последнее время все чаще в разных источниках упоминается о том, что Рерихи на первых порах пользовались астральным каналом и даже принимали участие в медиумистических сеансах, многие стали примерять астральную рубашку на себя. Естественно, не без последствий. В чем же разница и где правильный подход к этой сложной проблеме? Беликов пишет:

«...Сам по себе астральный мир нейтрален. Его темные, негативные стороны порождены человечеством и соответствуют таковым на Земле. Поэтому, соблюдая определенные охранные меры, Владыки Шамбалы, при необходимости, прибегают к астральным каналам общения. Необходимость пользоваться именно этими каналами обусловлена тем, что вибрации астрального мира ближе к вибрациям земного, чем вибрации более высоких тонких сфер. Прямые контакты с последними, без наличия хорошо подготовленных и изолированных приемников, грозят большими нарушениями равновесия между

мирами, чем контакты, в которых астральные слои используются как трансформаторы, перерабатывающие высокое напряжение на более низкое.

«...» Постоянное наблюдение Владык Шамбалы за своими Посланниками делало Е.И. и Н.К. более неуязвимыми по отношению к темным нападениям из низших слоев астрала, нежели это бывает с обычными людьми. Охранный панцирь Владык Шамбалы и, самое главное, внутреннее, подсознательное ощущение ИХ Водительства всегда служили для Е.И. и Н.К. надежной защитой»¹².

Каждому, кто изучает духовный путь Рерихов и учение Живой Этики, не безинтересен будет тот раздел в книге Беликова, где автор исследует тексты сборника стихов Н.К. Рериха «Цветы Мории». Одной из ценных подсказок С.Н. Рериха было предложение исследовать самый ранний период в творчестве Н.К. и, в частности, стихи. «Я, конечно, с большим интересом прочту Вашу главу о Н.К. Какие именно сочинения Н.К. у Вас есть? Есть ли издание 1914 года – собрание статей? (Сытина). Есть ли Его стихотворения? В этих стихах уже все запечатлено. В Его жизни не было сом-

¹² Беликов П.Ф. Рерих: опыт духовной биографии. С. 88.

П.Ф. Беликов, Г.В. Гаврилов, А.В. Шапошникова. Новосибирск, 1976

нений. Он очень рано определил путь, по которому он все быстрее и быстрее продвигался к цели. Да, замечательный он был человек. Он смотрел далеко вперед. И не только смотрел – он видел. Таких людей, как он, я уже нигде больше не встречал»¹³.

Беликов считал, что «Цветы Мории» являются ценнейшим документом духовной биографии Н.К. Рериха. Анализируя тексты книг Учения и сопоставляя их с текстами стихотворного сборника, Беликов доказывает, что, как и Живая Этика, стихи были написаны под руководством Учителя М. Подкрепляя свои выводы фрагментами из писем Н.К. Шибаеву, Беликов пишет:

«По существу книгу “Цветы Мории” следует рассматривать как своего рода введение к книгам серии Живой Этики. На это указывает само название книги, заключающее в себе Имя Учителя М., и некоторые другие существенные моменты. Так, например, книга заканчивается поэмой “Ловцу, входящему в лес”, относительно которой Н.К. сообщает в письме к В.А. Шибаеву от 25 июля 1921 г., что поэма дана Учителем как Наставление». И далее: «...по указанию Учителя в книгу “Цветы Мории” было включено и Его Наставление для Н.К., аналогично тому, как подобные Наставления для

Н.К., напутствия и Указы персонально для Е.И. и Н.К. включались позже в книги Живой Этики»¹⁴.

Обратив внимание на годы написания стихов, Беликов открывает некую закономерность, напрямую связанную с миссией Рерихов. Название стихов и даты их написания служат как бы дополнительными знаками для обозначения внутренних связей миссии Рерихов с космическими событиями. Трехстишие «Заключение», которое открывает книгу «Цветы Мории», было написано в 1911 году. Изучая этот текст, Беликов, в частности, пишет: «1910–1911 годы можно считать годами, когда для Е.И. и Н.К. были полнее открыты их Миссия, кармические связи четырех членов семьи и Руководство ими Учителем М. Скорее всего именно поэтому “Заключением”, как Наставлением Учителя, и “Ловцом”, как таковым же на новом этапе Служения, открывается и закрывается книга, носящая в своем заглавии Его Имя»¹⁵.

Беликов подробно рассматривает структуру книги «Цветы Мории» и находит в ней ключ к пониманию процесса проникновения эзотерического в экзотерическое, Высшего в каждодневность. Он неоднократно пишет о том, что изучение сборника стихов «Цветы Мории» позволяет многое по-

¹³ Рерих С.Н. Письма. Т. II. С. 192.

¹⁴ Беликов П.Ф. Рерих: опыт духовной биографии. С. 96.

¹⁵ Там же. С. 99.

нять в миссии Рерихов. «Для того, чтобы понять все разнообразие жизни Рерихов, все противоречия преодоленные, необходимо вскрыть те внутренние стимулы, которые эту жизнь складывали. Тогда и только тогда мы сможем воспользоваться богатейшим опытом Елены Ивановны и Николая Константиновича, получим право называться их учениками. Короче говоря, для того, чтобы им следовать, надо ЗНАТЬ. С закрытыми глазами многого не узнаешь»¹⁶.

Обращаясь к будущим исследователям творческого наследия Рерихов, Беликов постоянно напоминает: относитесь ответственно к изучению архивных материалов, не стройте иллюзорных догадок там, где не хватает фактического материала, соизмеряйте, и перед вами раскроются врата в «Державу Рериха».

Исследуя жизненный путь Николая Константиновича, Беликов не только показывает будущим исследователям, как надо работать с архивными материалами, но и дает проверенные жизнью советы для нашего успешного духовного восхождения, предостерегает от искаженного восприятия сложных философских истин. «Мы видим, как всю жизнь Елена Ивановна, Николай Константинович и их сыновья опирались на собственное сознание, искали ответы на свои вопросы в себе самих, зная, что их сознание НАПРАВЛЯЕТСЯ и питается энергией, посылаемой Учителем. Можно спросить, а как же тогда обстоит дело с Указами, о которых сказано, что их надо выполнять немедленно и неукоснительно? Но, во-первых, Указ надо услышать и самому правильно понять; во-вторых, Указы никогда не затрагивают личной кармы; в-третьих, Указы даются в исключительных случаях и только людям проверенным; в-четвертых, способ выполнения Указа остается выбирать получившему его. Так что Указ всегда только наполовину исходит от Учителя, другая половина должна быть добавлена самим сознанием ученика»¹⁷.

Подтверждение правильности понимания Единения с Высшим в жизни Рерихов Беликов получал часто из переписки со Святославом Николаевичем: «Сотрудничество Н.К. и Е.И. было редчайшей комбинацией полнозвучного звучания на всех планах. Дополняя друг друга, они как бы сливались в богатейшей гармонии интеллектуального и духовного выражения. Вы сами знаете, как возрастают наши силы от некоторых контактов, как обогащается и озаряется наш Духовный Мир, как разрешаются

казалось бы неразрешимые проблемы и все приобретает совсем особое значение. Главное – никогда не терять Священной Нити, Со-Присутствия»¹⁸.

Особенно тонко Беликов подходит к вопросу о том, как соотносятся выполнение Указа и собственная свободная воля ученика. Как учесть собственное восприятие и не исказить Указ при его исполнении? Ведь человек не машина, а творческая индивидуальность, целый мир во Вселенной. И здесь Беликов находит ответы в стихах Н.К. Рериха, в частности, в стихотворении «Ловцу, входящему в лес». Раскрывая внутренний смысл мира поэтических образов, Беликов предлагает нашему вниманию целый философский трактат, духовное наставление Учителя ученику:

«...нужно было познать океан жизни до того, как приступить к лову, и <...> Учитель наставлял его на это. Без руководства Учителя не было бы нужных достижений, но и Учитель без Ловца не познал бы радости счастливого лова. Так утверждалась ценность сотрудничества, в котором ученик и Учитель взаимно связаны, взаимно помогают друг другу»¹⁹.

Исследователь показывает, как происходила работа над книгами Живой Этики, как формировались тексты и выявлялся стиль книг Учения. Россия и Учение, социальная революция и капитализм, будущее мира и роль в этом России, отношение Рерихов к социализму, значение всей семьи в исполнении Указов Учителя – эти и другие важнейшие темы затронуты в книге «Рерих: опыт духовной биографии».

Обратим внимание на такое высказывание Беликова:

«Решающими моментами эволюции никогда не были и не будут мировая политика или мировая экономика. Ведь целью эволюции не является создание политически правильно мыслящего человека, а человека, способного мыслить Космическими категориями. Политика, экономика, все созданные ими общественные формации лишь на более мелких и временных примерах учат человека разбираться в сущем»²⁰.

Или еще одна цитата:

«Сейчас же подчеркнем со всей определенностью, что новое Учение, данное широко всему миру, в первую очередь имело в виду Россию. И не какую-нибудь отвлеченную Россию далекого будущего, но именно ту, которая начала в 1917 году Новую Эру в жизни человечества и продолжа-

¹⁶ Беликов П.Ф. Рерих: опыт духовной биографии. С. 164.

¹⁷ Там же. С. 175.

¹⁸ Рерих С.Н. Письма. Т. II. С. 234.

¹⁹ Беликов П.Ф. Рерих: опыт духовной биографии. С. 180.

²⁰ Там же. С. 205.

ет начатое, невзирая на все видимые отклонения и неудачи. Слишком велики были жертвы революции, гражданской войны, второй мировой войны, и, наконец, внутреннего террора, чтобы их перечеркнуть и начать строительство в другом месте, если бы это было возможно. Но кратки сроки, долго велась подготовка, и не может быть нарушено Космическое Веление»²¹.

Да, велики были жертвы на пути духовного преображения Земли, но Космическая Эпоха, утверждает Беликов, началась. Уже в XXI веке эту же мысль подтверждает и научно доказывает другой исследователь творческого наследия Рерихов, Людмила Васильевна Шапошникова. Она пишет, что в России в начале XX века совпали две волны революции – духовная и социальная, и обе привели к глобальным переменам на планете. В частности, в своей книге «Веление Космоса» Шапошникова пишет о духовной революции:

«XX век, <...> как и его далекий предшественник VI век до н.э., вплотную подошел к эволюционным и историческим изменениям и дал Планете целую плеяду гениальных ученых, совершивших известный нам научный “взрыв” и создавших новую картину Вселенной»²².

В своей книге Беликов затронул еще одну злободневную тему – отношение науки к духовности, значение новейших открытий с точки зрения нравственного преображения Земли. Через творчество Рериха автор раскрывает перед нами современную драму научного общества и ставит вечные вопросы: достойны ли мы научных открытий? Осознаем ли мы опасность самоуничтожения? Осознаем ли мы себя частью Живого Космоса? Приводя высказывания В.И. Вернадского, Рерихов, фрагменты из книг Учения, Беликов раскрывает перед нами не только картину настоящего, но и будущего. «Современная наука в области Космоведения давно встала на рубежи, с которых требуется пересмотр смысла всей человеческой жизни»²³.

К сожалению, Павел Федорович не успел завершить работу над Духовной биографией Рериха. Преждевременный уход прервал творческий земной путь выдающегося исследователя. Но даже неоконченный труд П.Ф. Беликова является ценным вкладом в мировую Культуру.

Во время болезни Беликова С.Н. Рерих писал ему ободряющие слова. «Я очень рад получить

Ваши письма, но огорчился Вашим недомоганием, поправляйтесь скорее, мы шлем Вам наши лучшие мысли и пожелания скорейшего выздоровления. Ваше здоровье так необходимо для нашей общей работы. <...> Поправляйтесь, Вам столько еще предстоит написать и сделать, Ваши знания сейчас так нужны и бесценны»²⁴.

Личность П.Ф. Беликова – пример непрерывного духовного восхождения, его труды стали классикой рериховедения, на них опираются и ссылаются добросовестные исследователи наследия Рерихов.

Еще при его жизни неоконченный вариант машинописного текста книги «Рерих: опыт духовной биографии» разошелся среди исследователей творческого наследия великой семьи. В советское время такой вид самиздата был весьма распространен. Поскольку книга была не закончена, Павел Федорович давал ее только конкретным людям без права дальнейшего бесконтрольного размножения текста. Текст печатался на тонкой папиросной бумаге. К сожалению, немногие любители самиздата соблюдали это предписание автора, и процесс, так сказать, вышел из-под контроля. После ухода П.Ф. Беликова печальная участь ждала не только текст этой книги, но и весь его архив. Он практически утратил свою целостность, и многие материалы, собранные Беликовым с таким трудом, попали в руки случайных людей.

Книга «Рерих: опыт духовной биографии» была издана в 1994 году в Новосибирске по распространившемуся в самиздате тексту без ведома держателей авторских прав и в 2001 году – в Москве, в издательстве «Сфера» (с купюрами). В настоящее время она научно обработана по рукописи П.Ф. Беликова в публикаторском отделе МЦР и издана официально с разрешения наследников к столетию со дня его рождения.

К.А. Молчанова, председатель Эстонского общества Рериха, лично знавшая Павла Федоровича Беликова, так пишет об этом замечательном человеке: «Перед нами прошла прекрасная жизнь в служении человечеству. Чистое и высокое сознание. Никаких мелких мыслей самости. Никакого личного возвеличивания. Только путь самоусовершенствования, путь внутреннего преображения и высокая радость Служения»²⁵.

²¹ Беликов П.Ф. Рерих: опыт духовной биографии. С. 206.

²² Шапошникова Л.В. Веление Космоса. М., 1995. С. 52.

²³ Беликов П.Ф. Рерих: опыт духовной биографии. С. 232.

²⁴ Рерих С.Н. Письма. Т. II. С. 357.

²⁵ Непрерывное восхождение. Т. I. М., 2001. С. 5.

Воспоминания о Павле Федоровиче Беликове

«Прислушайтесь к журчанию воды»

Говорят, что первые впечатления – самые верные. Первое качество Павла Федоровича – это духовность. Трудно определяемая словами, она пронизывает и речь, и облик, и манеру вести себя, и взгляд, и улыбку. Так было у Павла Федоровича. Внешне сдержанный, почти педантично честный, необычайно доброжелательный и внимательный к собеседнику. Как часто пустословие, бытовые мелочи, житейские заботы представляют жизнь мелкой игрой, бессмысленной драмой, требующей воплощаться в непонятное ролевое поведение. Рядом же с ним, словно в волшебном зеркале, жизнь преображалась. Ты начинал чувствовать серьезность, важность, значительность Мира и его проблем. Вся шелуха обыденщины отпадала, и, раздвигая облака, появлялся Свет Прекрасного. И было удивительно, что у этого человека, по духу своему напоминающего средневекового рыцаря, не существовало мелочей. Он был предан своим идеалам Мудрости и Красоты, и его служение вызывало восхищение и желание устремиться во след за ним.

Талант быть настоящим человеком пронизывал всю его сущность и потому проявлялся не в каких-то отдельных мыслях или высказываниях, но в звучании голоса, интонациях, внутреннем свете, озаряющем глаза, теплоте рукопожатия. Через Павла Федоровича ты приобщался к скрытой жизни Мира. Мне вспоминается, как мы шли вдоль ручья, недалеко от его дома в Эстонии. Вдруг он остановился и замер. «Что случилось?» – спросил я. Он улыбнулся: «Прислушайтесь к журчанию воды. В нем музыка, которая никогда не надоедает и, может, в такт которой поют ручьи на многих иных Планетах Вселенной!» И еще много раз, подобных этому, я встречал у него способность перекидывать мосты от простых явлений

Павел Федорович Беликов. 1978

к космическим. Он восхищался связями планет, их взаимовлиянием. Он стоически спокойно рассуждал о смерти как о великой загадке, которая несет перемены, но никак не разрушение.

И, конечно же, бросались в глаза его любовь и верность семье Рерихов. Наверное, можно сказать, что Ученик был достоин своих Учителей. Их мысли рождались в его сердце, их чувства гармонизировали его душу, наполняя ее Красотой Мира Огненного. За простотой общения стояло всегда ощущение гигантских творческих возможностей. Однажды в беседе он заметил: «Андрюша, природа невероятно точна и экономна. Неужели она наградила бы человека обилием таких способностей, которое не реализовать за одну жизнь, если бы он был запроецирован всего на одно воплощение?» Это ощущение возможностей, творческого потенциала, устремленного в вечность, исходило от самого Павла Федоровича. Однажды он процитировал Гераклита: «Человеку свойственен Логос, себя самого растящий». Эти слова так совпадали с его собственным мировоззрением, где свобода и устремленность давали человеку крылья и Путь.

Прошло столько лет со времени наших встреч, а его образ продолжает жить и светить в моей судьбе, и порой кажется, что жизнь моя удалась уже по одному тому, что я встретился с удивительными людьми, воплотившими правоту идеалов семьи Рерихов и Павла Федоровича Беликова.

Встреча моя со Святославом Рерихом была случайной, короткой. Это было в 1980-х годах, когда Святослав Николаевич приехал с выставкой в тогдашний Ленинград. Я собирался задать ему массу вопросов, но, увидев его, смешался. Он был так красив какой-то особой красотой мудрости и святости, той иконной красотой, что во мне исчезли все намерения что-то «получить от него». Я был счастлив его присутствием, полон его обществом. Он напомнил мне снежную гору, озаренную солнцем. От ее ледников исходил не холод, а тепло и свет. И мир казался мне ясным, как в детстве. Встреча заканчивалась, и я все-таки спросил: «Как жить?» Святослав Николаевич посмотрел на меня серьезно, а затем улыбнулся и сказал: – «У нас в семье культивировали одно маленькое правило – делать любое дело чуть-чуть лучше, чем в прошлый раз... И так в каждой встрече, в каждом движении. Это приведет к гармонии с законом эволюции».

Август 2009

А.В. Гнездилов,
писатель, врач, основатель
первого в России хосписа

Дирижер большого оркестра

Прежде всего мне хочется сказать, что Павел Федорович всегда находился и находится на своем месте, на своей высоте и что он меньше всего нуждается в том, чтобы его куда-то поднимали. О нем много написано, но лучше всего узнать о нем, понять значимость этой личности, а заодно и разобраться в себе, в своих мыслях, представлениях и понятиях, если читать его самого. Его эпистолярное наследие, двухтомник писем «Непрерывное восхождение» – кладезь мудрости и памятник его титаническому труду. И этот человек был моим современником, и более того – я знала его на протяжении последних восьми лет его жизни, встречалась с ним, была им руководима, вела переписку – мне просто не верится! Эта истина стара как мир, что наиболее ценным в жизни является не то, что у нас есть, а Кто у нас есть, и осознанию этой истины мы учимся на протяжении всей жизни.

Будучи ученым секретарем президиума Сибирского отделения Академии наук в 1969–1985 годах и обладая статусом, позволявшим вести работу на уровне директоров институтов Сибирского от-

деления и его президента, я принимала самое непосредственное участие в организации сибирских Рериховских чтений, в подготовке необходимых документов и последующем их утверждении во всех инстанциях. Сколько сил, энергии и знаний требовалось, чтобы убедить своих и московских коллег в необходимости активно содействовать проведению Рериховских конференций, не имевших до того аналогов, и проведении их на всесоюзном уровне! Волею судьбы я оказалась пусть небольшим, но очень важным звеном в бюрократической машине аппарата президиума, тем звеном, без которого эта машина не могла бы двигаться в желаемом направлении. Сколько недоброжелательности, сколько предубеждения ко всему новому и необычному, сколько инертности надо было преодолеть на этом пути! Разве было бы это возможным без руководства и поддержки Павла Федоровича? Без его уникального архива, к которому мы все, кто принимал участие в организации конференций, бесконечно обращались, без его опыта и знаний, которыми он щедро делился? Нет, конечно нет.

Павел Федорович был мудрым и талантливым дирижером большого оркестра, которому можно уподобить рериховское движение. С его уходом движение потеряло точку опоры¹. Мы же, имевшие счастье знать его, быть с ним, работать с ним, – мы осиротели, потеряли Учителя и Наставника. Оркестр остался. Дирижера не стало. Он мог примирять, казалось бы, самые непримиримые стороны, и самые глубокие страсти стихали в его присутствии. С каждым он разговаривал на его языке, и каждому казалось, что он слушает только его и принимает только его сторону. Он был рядом с нами и над нами всеми. С ним мы становились мудрее и терпимее друг к другу. Он мог опуститься до тебя, но умел и поднять тебя на свою высоту. В его присутствии было так же легко и свободно, как и в присутствии Святослава Рериха. Эти два гиганта были сродни друг другу. И не случайно бок о бок, рядом друг с другом в самом сердце Алтая стоят вершины, носящие их имена.

Я хочу упомянуть сейчас об одном важном эпизоде моей жизни, в котором Павел Федорович сыграл самую активную роль. Этот эпизод связан с восхождением на вершину Урусвати, с ее первопрохождением и открытием. Немногие знают, какие серьезные попытки предпринимались, чтобы помешать этому восхождению. Глубокой ночью, буквально за несколько часов перед вылетом на Алтай, А.Н. Дмитриев и еще три человека из его группы – о нем и его группе есть статья П.Ф. Беликова во втором томе «Непрерывного восхождения»², –

¹ Сейчас деятельность движения координирует Международный Совет Рериховских организаций. – Прим. ред.

² Дмитриева А.Н. Новосибирская группа // Беликов П.Ф. Непрерывное восхождение. Т. 2. Ч. 2. М.: МЦР, 2001.

пришли ко мне домой, чтобы потребовать отказаться от покорения вершины и объяснить, какая печальная участь ждет всех нас, если я поведу туда группу. Это был настоящий допрос – кто идет, по какому праву, кто разрешил, почему не с ними.

Беду отвели Святослав Николаевич Рерих и Павел Федорович Беликов. Святослав Николаевич, как и обещал мне при встрече, был с нами в нашем восхождении. Павел Федорович прилетел в Новосибирск и, узнав о случившемся, в буквальном смысле принял беду на себя. Я вижу, как, попрощавшись со мной, он поднимается по ступенькам к дому Дмитриева. Да, он все принимал на себя, попросту защищал собою.

Наша последняя встреча, незадолго до его болезни. Новосибирск. Академгородок. Я пришла к нему в номер гостиницы, где он остановился. Развернула на его кровати полотнище Знамени Мира, подаренное З.Г. Фосдик и принятое мною как восходителем на вершину Урусвати. Он склонился над Знаменем, положил свою широкую ладонь на него и, не отнимая руки, сказал мне: «Вот теперь мы будем общаться с Вами через это Знамя...». Его долгий, внимательный на меня взгляд – понимаю ли?.. И ни слова больше. То были последние его слова, обращенные ко мне в этой жизни. Осознала ли я сакральный смысл его слов – не знаю...

На титульном листе книги «Рерих» из серии ЖЗЛ, которую подарил мне Павел Федорович, есть старинная печать «Из книг Беликова» и его дарственная надпись: «Сия книга снята автором с полки самого автора и подарена Людмиле Александровне Андросовой на долгую память о нем». Да, Павел Федорович, на память долгую... Вечную память.

Октябрь 2007

*Людмила Андросова,
кандидат экономических наук*

За письменным столом в Козе-Ууэмыйза

Люди уходят на пенсию, чтобы отдохнуть. Павел Федорович – чтобы трудиться. Теперь он полностью мог посвятить себя увлечению, которому не изменял с юношеских лет – литература, восточная философия, история искусства стали основной базой его дальнейших трудов и устремлений. Он планировал свой день и четко придерживался определенного ритма, хотя для постороннего взгляда вся эта система выглядела естественным ходом жизни. Каждый день вмещал в себя и серьезную научную работу, и обширную переписку, и дела по хозяйству, и обязательные прогулки по окрестностям, и отдых с книгой.

Определенного распорядка и образа жизни Павел Федорович стал придерживаться примерно с 45 лет. В это время он познакомился и сдружился с мест-

ным психотерапевтом Вольдемаром Карловичем Пабсоном – человеком серьезным и увлеченным, пропагандистом метода сознательного самовнушения Э. Куэ и здорового образа жизни. Пабсон скончался в 1959 году. К этому времени у Беликова созрело окончательное решение переехать в сельскую местность на постоянное жительство, подальше от городской суеты, где бы он смог все свободное время посвятить любимому делу. Как раз поступило предложение работы в Аравете, а затем в Коце-Ууэмыйза главным бухгалтером «Этсельхозтехники» Козеского отделения. Дети вспоминают, как Павел Федорович переезжал, вещи грузили в машину, и самое главное – письменный стол-бюро, который купили по случаю на распродаже мебели с почты. В любом доме у него всегда был свой угол с письменным столом, за которым он проводил большую часть времени. Галина Васильевна, жена, осталась с детьми в Таллинне, а после выхода на пенсию переехала к нему в Коце-Ууэмыйза.

Вот как складывался его день в Коце-Ууэмыйза после выхода на пенсию.

7.30 – подъем, небольшой комплекс асан, который составил для него знакомый врач-гомеопат из Москвы, облегченный вариант для пожилых людей. Завтрак и одновременно новости по радио (местные, ВВС, Голос Америки). Говорил: «Надо иметь разнообразную информацию, но выводы делать самому».

8.30–12.00. – Работа за письменным столом.

12.00 – Прогулка на почту за корреспонденцией, в магазин за продуктами, по возвращении легкий второй завтрак – чай с бутербродом (фирменный – с сыром, украшенный соленым огурцом или помидором). Знал тонкости заварки чая, каждый раз заваривал свежий, иногда смешивал чаи различных сортов. Смаковал чай, привезенный Л.В. Шапошниковой из Индии. Очень любил томаты (так на эстонский манер называли помидоры). Еще бурые срывал их в парнике, заворачивал в газету и прятал в теплое местечко в шкафу – чтобы быстрее доходили. Припрятывать приходилось от профессионального взгляда жены-агронома, которая настаивала на созревании плодов естественным путем, под солнцем. Строгость, конечно же, была наигранная, и Галина Васильевна очень радовалась рано и внезапно появившемуся красному помидору.

В почтовое отделение Павел Федорович ходил каждый день. Там шутили, что почта будет работать, даже если в Коце-Ууэмыйза останется жить один Беликов. Переписка была обширная – Индия, Америка, Австрия, Германия, Англия, Болгария, не считая корреспондентов на территории бывшего СССР. В праздники получали до 300 поздравлений. После инсульта, когда правая рука стала плохо действовать, письма печатал левой ру-

Павел Федорович Беликов с внучкой Галей. Козе-Ууэмыйза. Август 1977 г.

кой на машинке, а конверты доверял подписывать внучке (с 1968 по 1982 год мы жили там каждое лето и в выходные дни зимой).

Выписывали журналы «Новый Мир», «Москва», «Наш современник», «Иностранная литература», «Вопросы философии», «Литературную газету», «Книжное обозрение», «Наука и жизнь». В то время подписка была ограничена, в сельской местности на почтовое отделение выделяли по одному экземпляру каждого журнала; кроме Беликова в эстонском поселке никто подпиской на русскую периодику не интересовался. Научные книги и журналы читал с карандашом в руках, делал закладки и выписки на карточки в свою картотеку. Самообразование было постоянным процессом для П.Ф. Беликова. Понимая недостаток филологических знаний, Павел Федорович самостоятельно проштудировал курс обучения на филологическом факультете по плану Тартуского Университета (исключая историю КПСС и т.п.). Павел Федорович следил за новинками художественной литературы, имел вкус к слову, любил и разбирался в поэзии. В беседе часто цитировал любимые строки. Внучке Гале вместо сказки на ночь читал стихи любимых поэтов – Блока, Пастернака, Гумилева, Ахматовой, Бродского.

Днем – отдых с книгой, лежа на диване (летом на шезлонге под яблонями).

Теперь понимаю (раньше это не осознавалось) – в доме не было пустых разговоров, болтовни. Не принято было говорить о своих болезнях при лю-

дях, о деньгах, о стоимости покупок, обсуждать чужую жизнь и т. п. Хотя жили расчетливо и планировали свой бюджет, где обязательно учитывались летние путешествия (план маршрута составляли заранее, во время поездки не засиживались на одном месте). В течение дня каждый занимался своими делами, случалось, встречались только за столом. Из детства Павел Федорович часто вспоминал путешествие по Волге и Кавказу. Когда получил гонорар за книгу ЖЗЛ, сделал своим взрослым детям подарок – вместе с дочерью Еленой и сыном Кириллом они проплыли на теплоходе от Москвы до Волгограда и побывали на Кавказе.

Перед обедом или вечером в летнее время – небольшие работы в саду («чтобы не засиживаться»), зимой за письменным столом (с минутными перерывами на легкую гимнастику). Вокруг дома был небольшой сад. Основную работу в саду и огороде делала жена Галина Васильевна, по первой профессии агроном (Тартуский университет), по второй – учитель естествознания (Таллиннский педагогический институт).

17.00. – обед. Обычно Павел Федорович готовил его сам (когда приезжали дети, передавал им свои полномочия), очень быстро и вкусно. Стол был вегетарианским, он шутил: «Сегодня у нас суп-фантазия». Все овощи и фрукты были со своего огорода. Гостей угощали клубникой со сливками – десерт, который в контексте небольшого эстонского поселка в советские времена вызывал удивление западных гостей. Галина Васильевна

пекла пироги и фирменные лепешки. Обязанности по дому были распределены между супругами равномерно. Павел Федорович говорил: «Если я не буду заниматься домашними хлопотами, то без движения просижу за письменным столом целый день». Завтракали на скорую руку на кухне (в будние дни), для обеда всегда накрывали стол в столовой, обедали вместе. Посуду мыла Галина Васильевна, вытирал Павел Федорович.

После обеда – прогулка с женой по окрестностям. В зависимости от погоды и самочувствия выбирался маршрут – «большой круг», «маленький кружок» или «маленький с хвостиком». Такие вечерние прогулки были традицией еще со времен жизни в Таллинне. Соседи до сих пор вспоминают немолодую пару, гуляющую по вечерам.

Вечером – чаепитие. Телевизор смотрели мало. Исключение составляли новости и любимые «Очевидное – невероятное», «Кабачок 12 стульев». Вечерами слушали пластинки: классическую музыку, романсы, танго Строка, Окуджаву, Шульженко. Галина Васильевна играла на фортепьяно. В молодости Павел Федорович и сам играл на гитаре и пел. Уже без гитары, в наши времена, он часто напевал русские романсы или песни Вертинского.

Спать укладывались часов в десять вечера. Павел Федорович очень долго читал, свет в его комнате горел до 1–2 ночи. Сначала художественная литература, а перед самым сном обязательно 30 минут посвящались Живой Этике.

Распорядок почти не менялся, даже по праздникам – обязательные четыре часа за письменным столом.

Павел Федорович не употреблял алкоголя и даже на нашей свадьбе пил только лимонад, любил марку «Байкал», с иронией относился к пышным празднествам по случаю дня рождения (к праздникам «по самому себе»). Галина Васильевна, в девичестве Махова, была воспитана в религиозной семье. Ее отец был церковным старостой (в 1940 году сослан в Сибирь, где скончался в 1943 году), поэтому главные церковные праздники – Рождество и Пасха – всегда отмечались. К 24 декабря наряжали пушистую елку, на Пасху пекли куличи, в специальной разъемной форме готовили творожную заварную пасху (каждому по вкусу – кому с цукатами, кому с изюмом). Павел Федорович всегда внимательно рассматривал художества внуков по покраске пасхальных яиц и выносил свое одобрение удачному подбору цветов или замысловатым сюжетам.

В Козе-Ууэмйза очень часто (особенно летом) приезжали гости. После выхода в 1972 году книги «Рерих» в серии ЖЗЛ потянулись не только читатели Николая Константиновича, но и жаждущие

новых встреч, интересующиеся восточной философией и просто русская интеллигенция. Приезжали и совершенно незнакомые люди, получившие адрес Беликова в издательстве или у друзей.

С приходом гостей день, естественно, выбивался из четкого плана, но Павел Федорович был рад всем. Принимали, потчевали лепешками со сметаной или с топленым маслом. Вели неторопливые беседы за столом, а потом совершали прогулку по великолепному парку вокруг мызы барона Юксюля и к полуразрушенной часовне в излучине двух рек. Потом Павел Федорович с гостями уединялись в кабинете для личных бесед. Какой бы серьезной ни была затронутая тема, всегда оставалось место шутке. Павел Федорович был человеком веселым, доброжелательным, с теплым чувством юмора. Ровный в отношениях с людьми разных социальных слоев, в каждом видел что-то милое и хорошее. Разговор строил на том, что интересуется собеседника, своего мнения не навязывал, но дипломатично отстоять его умел всегда. Если же чувствовал устремление, живой, глубокий интерес – протягивал руку, бескорыстно делясь всем, что имел. Не каждый мог предположить, как широк мир этого скромного и по-хорошему делового человека.

Из России гости привозили для прочтения редкие книги, перепечатки – их невозможно было послать почтой, и в следующий приезд или с okazji книги передавались дальше. Так же широко пользовались библиотекой Павла Федоровича – активная молодежь брала редкие книги для самиздата, для этого их расшивали, снимали обложки, иногда книги «терялись». Беликов шутил по этому поводу: «Видимо, эта книга им нужней, чем мне». В общении он был очень легким человеком, не заострял внимания на мелких житейских проблемах, все шероховатости старался свести к шутке. Павел Федорович приветствовал то небольшое, что в 1960–1970-е гг. появлялось в печати о Николае Константиновиче, активно содействовал этому и снабжал авторов бесценными материалами и идеями.

Он часто ездил по делам в Москву и Ленинград, возвращаться любил в воскресенье, чтобы вся семья была в сборе. Из поездок всегда звонил и присылал открытки, хотя отсутствовал не более недели. Обязательно привозил подарки всем членам семьи. Жене любил дарить шелковые платки и шарфы. Однажды Галина Васильевна попросила привезти ей шляпу. Павел Федорович привез пять шляпок разных фасонов и цветов. Кажется, ни одна не подошла, но огорчений по этому поводу не было. Галина Васильевна постоянно их мерила и восхищалась находчивостью мужа. Павел Федорович никогда не забывал выполнять просьбы

*П.Ф. Беликов возле дома у розария, выфращенного
Г.В. Беликовой. Козе-Ууэмйза, 1975*

и пожелания родных, и когда трехлетняя внучка Галя заказала «курятник» (девочке очень нравились соседские цыплята), дедушка легко вышел из непростой ситуации, привезя десяток механических заводных кур и петушка. Разом завел их, и все эти птицы клевали и кудахтали на радость внучке.

А как он сам принимал подарки! Даже самоделки от внуков так, как будто это самая необходимая для него вещь.

Святослав Николаевич о своем приезде в Союз всегда извещал Павла Федоровича Беликова предварительной телеграммой, и он неотлучно находился при нем во время каждого визита. Обычно ездил один (после инсульта – с сыном Кириллом).
2010

*Алла Беликова,
сноха П.Ф. Беликова*

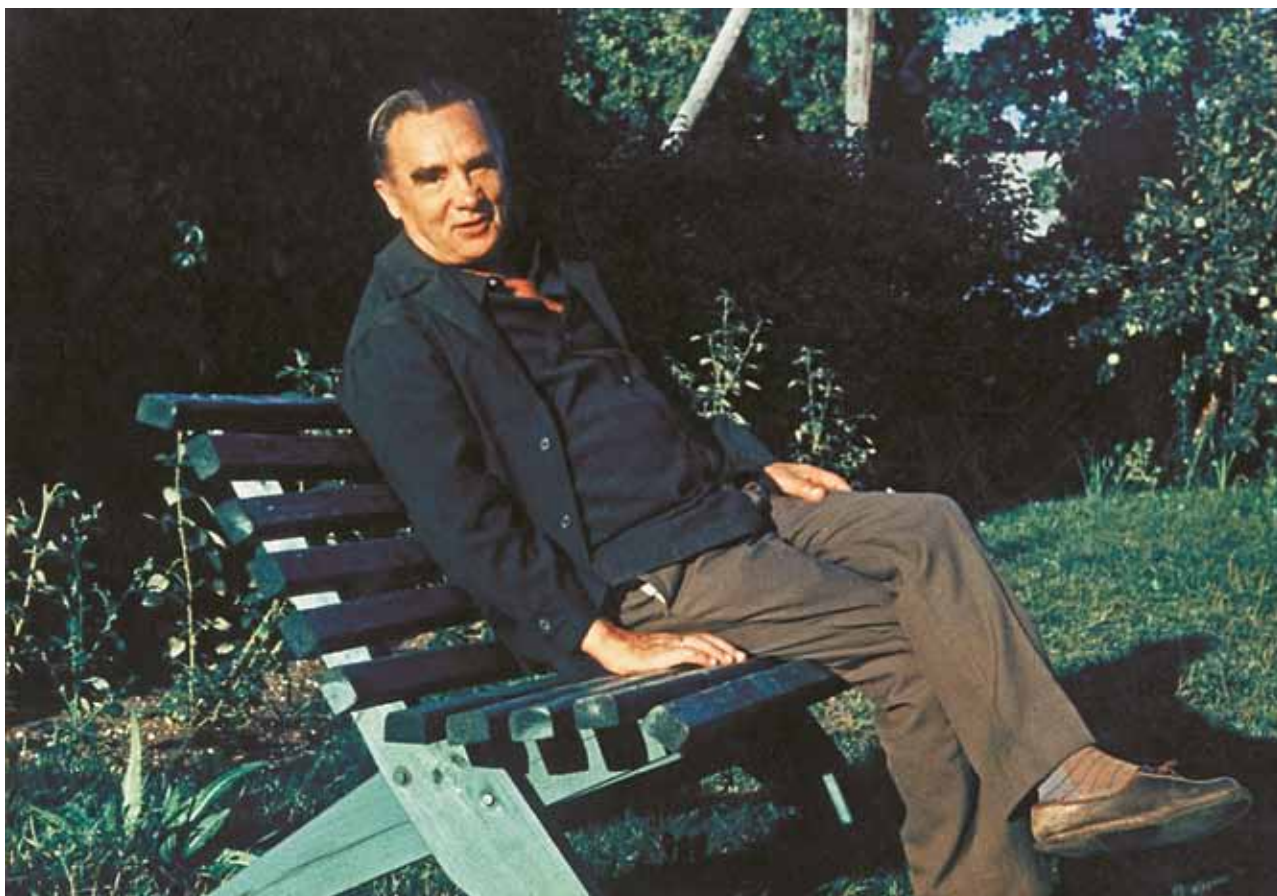
Строитель

Отчего-то всегда, когда я вижу репродукцию картины Н.К. Рериха «Сергий-строитель», я невольно вспоминаю Павла Федоровича. Такое же неустанный труженичество подвижника, сознательно принимаемая ответственность, которая всегда будет мерилем величия духа. Однако о самом сокровенном собиратель из Козе никогда не писал и не говорил всуе.

Однажды, рассматривая уникальную библиотеку в Козе, я взяла с полки небольшой томик в коричневом переплете.

– «Махабхарата» всегда была у Павлика под рукой, – заметила вдова Павла Федоровича Галина Васильевна, показывая дарственную надпись на обложке, сделанную Борисом Леонидовичем Смирновым, академиком АН Таджикской ССР, выдающимся ученым, профессором, блестящим нейрохирургом, заведующим Кафедрой нервных болезней Туркменского мединститута и одновременно талантливым переводчиком «Махабхараты». – А вот это, – она протянула папку с пожелтевшими конвертами, – письма Смирнова.

Да простится нам прикосновение ли, вторжение ли в чужое сокровенное, подслушанный диалог двух горних духов... Письма – свидетели событий исключительных и волнующих – запечатлели момент напряженного и трагического рождения замечательных явлений отечественной культуры. Переписка завязалась в годы, нелегкие для обоих, когда смертельно больной академик торопился использовать каждую минуту между атаками болезни, чтобы закончить перевод с санскрита великого древнеиндийского эпоса, к которому лишь с семнадцатой попытки нашел поэтический ключ, ранее никому из переводчиков неведомый. В это же

Павел Федорович Беликов

время Павел Федорович работал над книгой «Рерих-мыслитель» и искал для себя ответы на сложнейшие вопросы. Пока был жив старший сын Рерихов, Юрий Николаевич, Беликов обсуждал «узловые» вопросы во время своих частых встреч с востоковедом в Москве, а потом Юрия Николаевича не стало... Начавшаяся после этой величайшей потери в 1964 году переписка со Смирновым была для рериховеда подарком судьбы.

В одном из писем Беликов, тогда никому неизвестный собиратель архива из Эстонии, прислал академику репродукцию картины Н.К. Рериха «Святой Сергий».

П.Ф. Беликов – Б.Л. Смирнову:

«Посылая репродукцию картины “Сергий”, я не преследовал какой-либо определенной цели. Но послал ее, конечно, не случайно. Прежде всего, я не послал бы ее человеку, во внутренней сущности которого я был бы не уверен. Чтение Ваших предисловий и примечаний к книгам “Махабхараты” не могло оставить меня равнодушным к Вам не только как к ученому, “делающему свою работу”, но и как к человеку, делающему свою жизнь. Репродукция “Сергия” была своего рода “заявкой” на обмен мнениями по основной тематике...» (6 июня 1965)³.

Б.Л. Смирнов – П.Ф. Беликову:

«Я очень, очень благодарен Вам за правду Ваших писем. Скажу откровенно, мне не раз писали люди Вашей ориентации, но далеко не Вашей правдивости и чистоты. Это чувствуется резко» (письмо не датировано).

П.Ф. Беликов – Б.Л. Смирнову:

«Глубокоуважаемый Борис Леонидович <...>. Было бы недостаточным сказать, что я очень ценю возникшую между нами переписку. Я чувствую, что она ведется в плане, где обмен мнениями влечет за собой большую ответственность, где сталкиваются не только два мировоззрения, но и два жизненных пути. И здесь, конечно, нельзя быть не до конца искренним. И особенно потому, что “На каком бы пути ни приблизился ко мне человек, на том пути и благословлю его”, <...> вряд ли у меня и Вас могут возникнуть сомнения в цели наших путей. Цель, конечно, одна – Высший смысл жизни и стремление следовать Ему в мыслях и действиях» (6 июня 1965).

Б.Л. Смирнов – П.Ф. Беликову:

«Месяц прошел со дня получения Вашего письма. Месяц длительных и напряженных бесед с Вами <...>. Тема нашей переписки для меня жизненно важна в буквальном смысле слова, Вы – единственный человек, общение с которым

по этой важнейшей для меня теме мне предоставила Жизнь <...>. Вот написал Вам большое письмо, а будто бы и не писал, так много еще осталось тем...» (20 мая 1965).

Смирнов работает на пределе физических возможностей и часто из-за неспособности встать с постели кладет на одеяло дощечку для письма. В это время ему приходит приглашение от министра образования Индии посетить его страну, и через Павла Федоровича уже есть договоренность о встрече со Святославом Николаевичем Рерихом. К сожалению, смерть академика помешала этой встрече, но он успел сделать перевод всех философских текстов «Махабхараты» и подстрочный черновой перевод десятой книги «Успение».

«Свою чашу земного Подвига Борис Леонидович наполнил до краев...», – такими словами откликнулся Павел Федорович в письме-соболезновании вдове академика Л.Э. Лысенко-Смирновой. А она в письме, написанном 24 августа 1972 года, поблагодарила: «Спасибо за Ваш большой, самоотверженный труд-битву. Желаю победы».

К сожалению, Павел Беликов главные свои книги закончить не успел, хотя тоже очень спешил. Но он все же успел сделать то, что считал для себя не менее важным, – передать свои знания. Ряды молодых растут и ширятся, и этому делу нужно сейчас отдавать остаток своих сил и знаний. Как говорится, «умирать собирайся, а поле сей». Эстафета должна быть передана, «кто-то донесет ее к нужному сроку в положенное место», – писал Беликов 16 марта 1976 года Г.Ф. Лукину в Ригу.

Всегда чрезвычайно скромный, совершенно чуждый амбициям, Павел Федорович в письмах называл свой архив источником для новых исследований, конечно же, как всегда преуменьшая свою роль. Живительная родниковая вода этого источника превратилась в мощный духовный водопад для всех ищущих высший и светлый путь в жизни.

Таллинн, февраль 2001

Н.В. Санникова,
журналист

«Когда сердце вмещает и небесное и земное»

Своими воспоминаниями о знакомом мне с детства Павле Федоровиче Беликове я делилась уже неоднократно⁴. И всё же хочется продолжить разговор о нём снова, потому что вспоминаю всегда с восхищением. Теперь, на большом расстоянии от непосредственного общения, высота духа

³ Все фрагменты писем цитируются по документам из архива П.Ф. Беликова.

⁴ В сб.: Непрерывное восхождение. Т. 1. М., 2001. С. 24–30. Созидатель культуры духа. К 25-летию памяти П.Ф. Беликова // Культура и время. 2007, № 2.

этого Человека вырисовывается всё яснее. В памяти всплывают не столько какие-то житейские факты, а, прежде всего, его мудрые оценки виденного и слышанного.

Бесконечно доброжелательная улыбка. Он был приветлив и участлив со всеми, независимо от общественного положения человека. Никогда никого не обижал и не осуждал. Даже когда вынужден был слушать пересуды в быту, чем часто грешат и люди, считающие себя верующими, делал только объективное заключение: «Если больше опасаться уловок дьявола, чем любить Бога, то дьявол оказывается на первом месте, а Бог уже на втором!».

Размышления Павла Федоровича, особенно на исторические темы, были настоящими открытиями для меня. Так, например, он считал, что мерзости современной жизни не являются чем-то новым. И в прежние века их было не меньше повсюду на Земле. Надо не забывать ужасы инквизиции, уничтожение целых народностей колониальными державами. В тридцатые годы прошлого столетия – это кровопролития в Испании, террор китайцев в Средней Азии и японцев в Китае и Маньчжурии и т.д.

Неожиданным событием для нас стала опубликованная в журнале «Международная жизнь» № 1 в 1965 году статья «Путь к Родине» (авторы С. Зарницкий, Л. Трофимова) об истории поездки Н.К. Рериха в Советский Союз летом 1926 года. Павел Федорович торжествовал. И вот что он говорил по этому поводу. Пребывание Рерихов в 1926 году в Москве не должно рассматриваться как политическая акция. Рерих выступал Вестником Новой Эры, духовного преображения, намеченного Планом Владык во всем мире во имя Будущего. Опубликованное там Послание Махатм было адресовано не лично Ленину, а народу для осмысления и раскрытия задач в их последовательности. Это является указанием на эволюционный потенциал России и на то, что только еще в Будущем должно быть сделано. Люди должны изживать в себе все негативное и готовиться к осознанию Космической жизни, привыкать мыслить космическими категориями. Сейчас человечество находится в переходной стадии от слепого подчинения законам Природы к Гармонии сознательного творчества.

Прирожденный философ, Павел Федорович относился к философии как к объединяющей науке. Поэтому среди научных и философски осмысленных им представлений в разных исторических эпохах он выдвигал понятия космической эволюции человечества, космических законов, космических сроков, неоспоримую принадлежность нашей Планеты и всей совокупности жизни на ней, в том чис-

ле и человечества, к необъятности Космоса и к единой цепи причинно-следственных явлений.

Теперь, опираясь на письма Павла Федоровича и на свои наблюдения в общении с ним, хочу объяснить, как происходило его собственное духовное восхождение, осознание и выполнение своей миссии Иерархического звена и преданного Стража, готовящего условия для передачи Наследия Рерихов в Россию. И это событие состоялось позднее с участием Людмилы Васильевны Шапошниковой, по прошествии десяти лет после ухода Павла Федоровича Беликова.

Одним из самых преданных сотрудников Рериха в Прибалтике с тридцатых годов, а также личным другом Павла Федоровича был врач Гаральд Феликсович Лукин (Лукинъш). И вот 11 августа 1977 года Павел Федорович написал ему:

«Еще в 1960 году, после ухода Ю.Н., С.Н. предостерег меня от одного шага, который был на стадии решения (переселение в Сибирь). До этого был разговор с Ю.Н. и С.Н., и мое намерение было одобрено. Но после ухода Ю.Н. С.Н. сказал: “Теперь Вы не должны уезжать далеко от центров, Вы будете здесь нужны”. Я тогда еще не думал ни о своих работах, да передо мной как будто и не было практической возможности давать публикации в научные издания, или писать и составлять книги о Н.К. Однако все это оказалось осуществимым и только потому, что я послушал С.Н. Также и этот раз С.Н. указал мне на некоторые сферы моей прямой деятельности, на те задачи, которые мне предстоит выполнить». И на следующий же день, 12 августа 1977 г. тоже Лукину: «В 1960 году С.Н. сказал мне: “Самое прискорбное то, что за три года в Москве никто к Ю.Н. близко не подошел”. Очевидно, на эту тему у С.Н. с Ю.Н. был разговор»⁵.

Из общения с Павлом Федоровичем знаю, что инициатором и ведущим автором книги «Рерих» в серии ЖЗЛ издания 1972 года был он. И тогда же он решил продолжить работу над биографией Рериха, чтобы зафиксировать те факты, которые могут со временем безвозвратно утратиться. И назвать этот труд он решил «внутренней духовной биографией», чтобы рассказать о совместном жизненном подвиге Николая Константиновича и Елены Ивановны, о переплетении их творческих трудов. Об этом он написал 14 августа 1972 г. Святославу Николаевичу так:

«В эту тему войдет и тема Е.И., которую в книге ЖЗЛ я почти не затронул, т.к. боялся, что не смогу найти полновзвучных формулировок. Для них требуется особое углубление, привлечение материалов из писем и книг Живой Этики, т.е. всего того, что уже по объему своему и специальной философии Восто-

⁵ Непрерывное восхождение. Т. 2, ч. 2. С. 169.

У Святослава Николаевича Рериха в гостинице «Россия». Москва, июнь 1978 г.

ка в рамки серии ЖЗЛ просто не вмещается. Конечно, в будущем все это найдет место в работах других авторов, но не хочется, чтобы и тот материал, который удалось собрать мне, остался без употребления. Поэтому намерен с осени сесть за такую работу».

Про книгу в серии ЖЗЛ могу сказать, что около четверти текста в нее не вошло, потому что Павел Федорович решил «не комкать» тему Елены Ивановны Рерих. В конце 1973 года, 23 ноября он пишет В.А. Шибаеву такое объяснение: «Я сейчас целиком занят подготовкой публикаций к Юбилею, однако в планах у меня уже созрела, как я считаю, главная работа моей жизни. Это – книга, в которой должна раскрываться связь между Основными Положениями Этики и мировосприятием, как и творческой деятельностью Н.К. Рериха. Такие же параллели и с его искусством. Короче говоря, своего рода “духовная биография” Н.К.»⁶

Не прошло и двух лет, как первый вариант далеко не законченного труда уже оказывал кому-то помощь. «Главное должно еще быть написанным. К теме “Цветы Мории” я, по существу, только подхожу. Хронологически я дошел в своей работе

только до карельского периода жизни, то есть до Встреч с Учителем»⁷, – письмо от 25 мая 1976 г. Через год Павел Федорович отмечает, что работа эта «рассчитана на много лет вперед и продвигается тихо. В ней, в силу своих знаний и возможностей, постараюсь зафиксировать приоткрытые нам по разным источникам моменты “стыковок” нашего плана с Иным на реальной канве жизненного пути Четверых... Считаю это важным еще и потому, что некоторые моменты выяснены только в беседах и частной переписке».

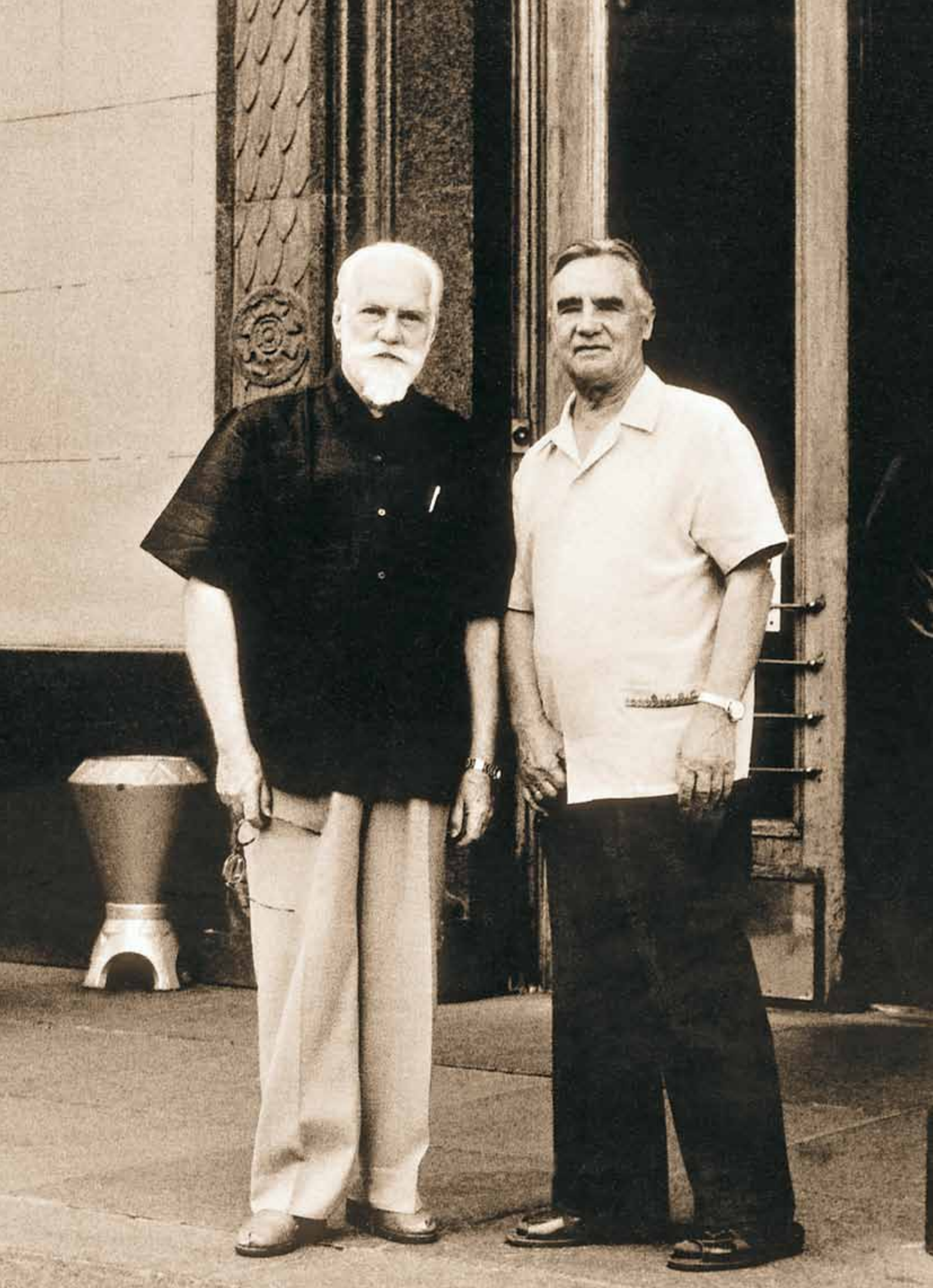
И про первую книгу о Рерихе там же: «Книга серии ЖЗЛ – один из труднейших этапов. Она открыла путь многому последующему, и в этом ее основное значение. О большинстве ее недочетов я знал в процессе работы над нею с редактором и стремился к одному, а именно к тому, чтобы недочеты по своему характеру были бы “пропусками”, которые впоследствии можно заполнить, а не искажениями, которые пришлось бы “опровергать” и краснеть за них. Над такими “дополнениями” я и работаю»⁸.

У Павла Федоровича есть основательный, но не опубликованный научно-философский труд

⁶ Непрерывное восхождение. Т. 2, ч. 2. С. 331.

⁷ Там же. С. 67.

⁸ Там же. С. 191–192.

«Основные проблемы восточной философии и диалектический материализм. Опыт сравнительного изучения». Исследованием этой темы он занимался в пятидесятые годы и завершил в 1960 году. Ведь мы жили в такое время, когда довлела официальная идеология, не допускалось никакого инакомыслия. Однако он, великолепно разбираясь в марксизме-ленинизме и хорошо зная психологию партийных функционеров, сумел, исходя из лучших возможностей материалистического мышления, привнести в него элементы сознания космического.

В своем общении с носителями официальной идеологии Павел Федорович сближал в мировоззрении все, что возможно, искренне и просто увлекающая собеседника своим синтетическим знанием, без диссидентской вражды. И он добился больших уступок цензуры при издании книги «Рерих» в серии ЖЗЛ в 1972 году.

В июле 1978 года Павел Федорович провел две недели со Святославом Николаевичем в Москве. Ему удалось переговорить о важных событиях в духовной жизни семьи и узнать много новых фактов. Благодаря живому общению в свое время с Юрием Николаевичем, и потом со Святославом Николаевичем Беликов узнал многое, никому другому не известное из жизни Рерихов. Хочу привести одно из откровений самого Павла Федоровича, изложенное им в письме от 7 мая 1979 года:

«После ухода от нас в 1960 г. Ю.Н. пришлось заново закладывать фундамент дела Н.К. Я смею утверждать, что мне лучше, чем кому-либо, известно, с каким трудом это делалось, какие препятствия приходилось преодолевать. Чего стоила только книга серии ЖЗЛ, пробившая дорогу другим изданиям и оказавшая решающее значение в праздновании Юбилея. Я первый начал публикации о Н.К. в научных изданиях и прекрасно знаю, на какие сваи опирается фундамент той широкой популярности имени Н.К., которая в необыкновенно короткое время была достигнута. Доскональное изучение всех трудов Е.И. и Н.К., как опубликованных, так и неопубликованных, их переписки, личное общение с Ю.Н. и С.Н. вооружили меня не только в меру моих возможностей усвоенными Знаниями, но и методами их использования»⁹.

Там же читаем: «Некоторые вещи не хочется доверять бумаге. Но об одном, объяснившем мне очень многое, в том числе и из нажитого личного опыта, немного поведаю сейчас. В последний раз у меня состоялась со С.Н. беседа на очень важную тему о дальнейшей судьбе Наследия Е.И. С.Н. ска-

зал, что они получили по этому поводу Указ еще в 1924 году. Как и всегда, полной расшифровки Указа не было. Отсутствует одна важная деталь, которую так до сей поры не удалось уточнить. Это не позволяет конкретизировать некоторые действия. С.Н. буквально, слово в слово, перевел мне этот Указ, он зафиксирован черным по белому на санскрите... С.Н. добавил: «Как и всегда, в подобных случаях для выполнения Указа должны возникнуть соответствующие благоприятные обстоятельства. Их нужно вовремя усмотреть, но до сих пор я не вижу, чтобы они сложились»... Эта короткая фраза С.Н. открыла мне многое из опыта Агни Йоги, из жизни Е.И. и Н.К., из моей собственной жизни»¹⁰.

Всегда чувствовалось, что у Павла Федоровича была высоко духовная цель и задача ориентироваться на Будущее. Забывая о себе в напряженном труде и в общении с людьми, он, тем не менее, умел радоваться жизни и всегда был терпеливо приветлив. Многих удивляло, что такой незаурядный человек жил в сельской местности Эстонии. Он скромно и добровольно совершал свой жизненный путь, тихо, без всякого шума, соединял высшее знание с высшим устремлением своего непрерывного восхождения. О себе он не раз говорил, что по привычным для людей меркам у него не было ни малейших предпосылок к осуществлению поставленных перед ним Святославом Николаевичем задач.

В главной работе П.Ф. Беликова «Рерих: опыт духовной биографии» на примере жизни Николая Константиновича рассматривается суровая школа земной жизни Человека как часть Единой Космической Жизни. От страницы к странице читающий познает, как укрепляется дух в земных битвах, как постепенно осознаются задачи эпохи и своя роль в их осуществлении, как чередуются ритмы активности сосредоточения тонкого и земного и как происходит главное сосредоточение – огненное, «когда сердце вмещает и небесное и земное». Все это может происходить и происходит только в энергичной познавательной-творческой деятельности человека в обычных для всех людей условиях земного существования.

Вспоминая общение с Павлом Федоровичем Беликовым, вчитываясь в его работы, я могу утверждать, что он является человеком нового сознания и деятелем культуры совершенно иного вида. Именно такими людьми создается Будущее.

15 февраля 2011 **К.А. Молчанова, председатель Эстонского общества Рериха**

⁹ Непрерывное восхождение. Т. 2, ч. 2. С. 320.

¹⁰ Там же. С. 325.

Многогранный, но единый. Штрихи к портрету А.Л. Яншина

К 100-летию со дня рождения

Перед ученым всегда две опасности – повторить открытие и не сделать его. Эрудиция спасает от первой. От второй – увлеченность своей работой, преданность ей. В науке надо иметь свой голос и говорить свое слово.

А.Л. Яншин

В Государственном геологическом музее имени В.И. Вернадского Российской академии наук в конце марта 2011 года прошло торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения выдающегося ученого-энциклопедиста, организатора науки и общественного деятеля, академика Александра Леонидовича Яншина.

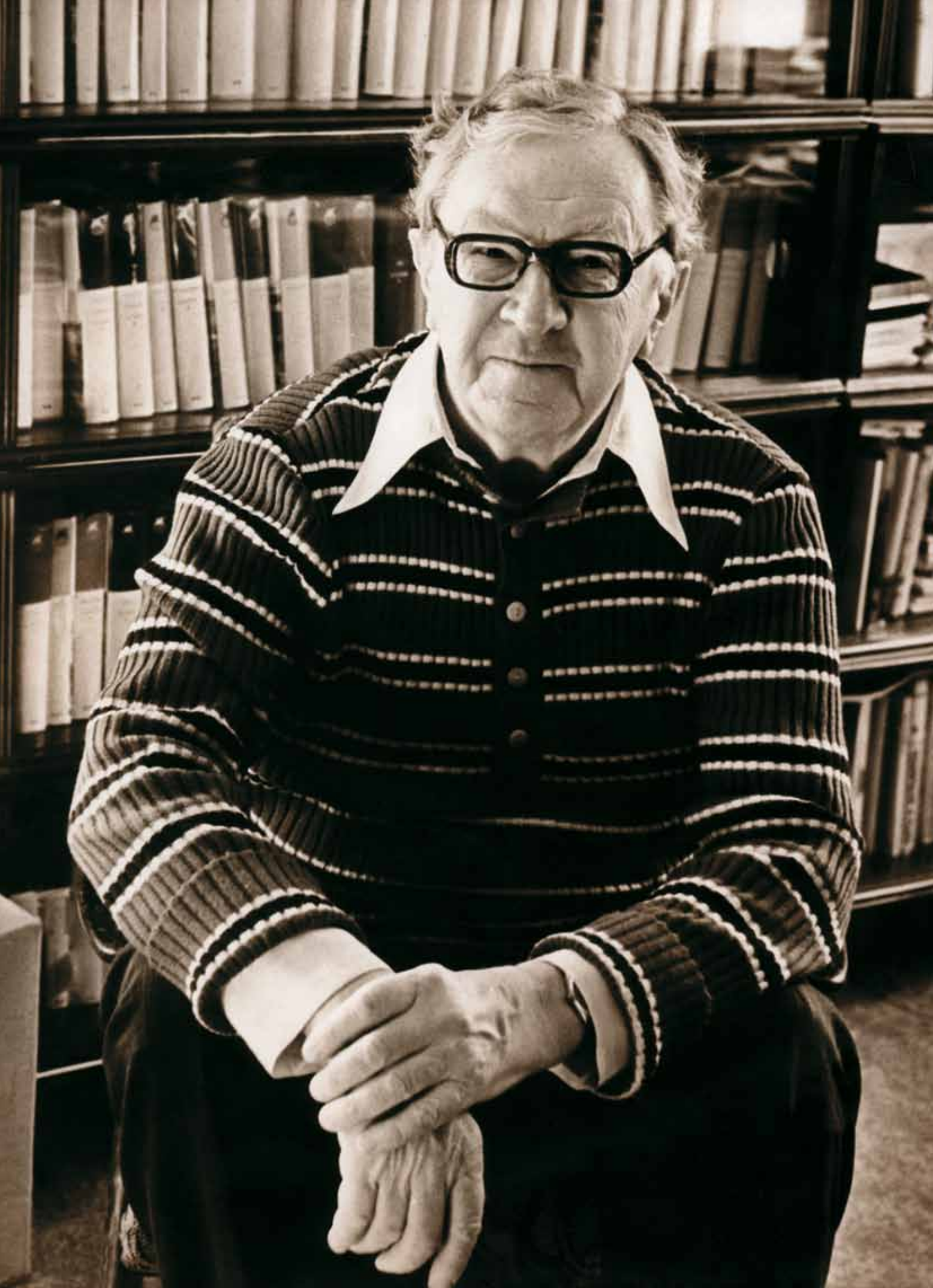
Торжественному заседанию предшествовало открытие выставки, приуроченной к юбилею. Традиционно такие выставки знакомят с творческим наследием ученого и книгами, написанными о нем коллегами. Но многогранная, яркая личность Александра Леонидовича не укладывалась в сухой академический рассказ. Начался поиск оригинальных материалов. Нам повезло. В собрании музея хранятся образцы из первых экспедиций молодого геолога. Помогли коллеги из институтов, с которыми была связана научная деятельность Яншина. Подлинные вещи и документы, бережно хранящиеся в его семье, были предоставлены вдовой ученого Фидан Тауфиковной Яншиной. На выставке мы показали лишь незначительную часть этого поистине уникального архива. Каждая вещь или документ – свидетельство эпохи, к которой нам посчастливилось прикоснуться. Рисунки гимназистки Маши Ланиной, мамы А.Л. Яншина; домашняя газета, которую выпускал в имении Ни-

коло-Кремяное студент Леонид Яншин, его отец; книги из библиотеки ученика Опытной-показательной школы при педагогическом факультете Смоленского университета Саша Яншина, – эти экспонаты предваряют рассказ о творческом пути замечательного геолога, крупного организатора научных исследований, который видел главный смысл своей жизни «в доставлении наивозможно большей пользы окружающим».

Переступив порог выставочного зала, мы попадаем в пространство, наполненное весенним пением птиц средней полосы, – Александр Леонидович знал их всех по голосам и с детских лет наслаждался этим многоголосьем. Когда переходишь от витрины к витрине, знакомясь с жизнью и трудами ученого – от первых шагов в геологии до научных обобщений планетарного значения, – возникает понимание уникального явления в науках о Земле, имя которому – Александр Леонидович Яншин. Многогранность и целостность его облика поражают не только хорошо знавших его людей, но и тех, кто впервые познакомился с его трудами.

Александр Леонидович Яншин родился 15 (28) марта в городе Смоленске в семье юриста. В 1928 году Саша Яншин успешно закончил опытную-показательную школу при Смоленском универ-

Академик Александр Леонидович Яншин ▶

Саша Яншин. Смоленск, 1912

ситете, и семья переехала в Москву. Сдав вступительные экзамены в I МГУ, он не нашел себя в списке студентов и осенью поступил на годовичные курсы коллекторов при Научном институте удобрений. В 1929 году началась его производственная деятельность в горно-геологическом отделе института. Из-за своей занятости в экспедициях, Яншин не получил официального документа об окончании высшего учебного заведения, которое он посещал в течение четырех лет как вольнослушатель. Более шести лет в составе поисковых партий он проводил полевые работы в разных районах Казахстана. Это были годы упорной учебы и накопления знаний, в его исследованиях наметились широкий комплексный подход к изучаемым объектам, обстоятельность, скрупулезность и удивительная тонкость наблюдений – качества, характерные для всей его последующей деятельности.

¹ Яншин А.Л. Тектоника Каргалинских гор // Бюлл. МОИП, отд. геол. 1932. Т. 10. № 2. С. 308–345.

² Косыгин Ю.А. Проблемы тектоники молодых платформ // Проблемы общей и региональной геологии. Новосибирск, 1971. С. 12.

Домашняя газета, издаваемая
Леонидом Яншиным. Николо-Кремяное,
Смоленская губерния, 1909–1910 гг.
(Из архива семьи Яншиных)

В 1932 году вышла его первая большая самостоятельная статья «Тектоника Каргалинских гор»¹. Спустя почти сорок лет академик Ю.А. Косыгин так отозвался о ней: «А.Л. Яншин скромно называл эту свою работу ученической, я же продолжаю ее считать весьма крупным и зрелым исследованием, принесшим большую пользу для геологии Западного Казахстана и для решения ряда общих вопросов геологии Урала. Надо добавить, что работа эта, отличающаяся прекрасным литературным слогом и логичностью научных суждений, принадлежала перу двадцатилетнего молодого человека»².

В 1936 году по приглашению академика А.Д. Архангельского Яншин перешел на работу в Геологический институт АН СССР – с этим институтом связаны более шестидесяти лет его трудовой деятельности. В двадцать пять лет Александр Яншин был известен большому кругу геологов как исследователь широкого профиля, его наблюдения и выводы использовались в сводных работах ведущих геологов страны.

В Великую Отечественную войну за успешное выполнение заданий правительства в области обеспечения промышленности запасами ценного минерального сырья А.Л. Яншин был награжден орденом Трудового Красного Знамени (1944); еще через год, в 1945-м, за достижения в области промышленности и науки, – орденом Знак Почета.

Фрагмент юбилейной выставки

После войны Александр Леонидович продолжил изучение геологии и тектонического строения Приаралья с прилегающими областями Казахстана и Средней Азии. Результатом тщательного анализа и обобщения накопленного им материала явилась фундаментальная работа «Геология Северного Приаралья» (1953).

Главным направлением научной деятельности Яншина в первой половине 1960-х годов становится разработка принципов составления и создание обзорных тектонических карт. В 1958 году он избран действительным членом Академии наук СССР. Александру Леонидовичу тогда было 47 лет, он стал самым молодым академиком-геологом. В том же году его назначают заместителем директора Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске с сохранением должности заведующего отделом Геологического института АН СССР в Москве.

В 1959 году Яншин возглавил работу большого коллектива геологов по созданию «Тектонической карты Евразии» масштаба 1: 5 000 000. Эта работа – одно из самых крупных достижений отечественной геологии – в 1969 году удостоена Государственной премии. Многие годы, начиная с 1967-го, Александр Леонидович был научным руководителем Советско-Монгольской комплексной экспедиции и совместных с немецкими геологами тектонических исследований, проводимых

на территории СССР и ГДР. В поле он выезжал каждое лето. За совокупность работ в области геологии в 1973 году Яншин был награжден высшей наградой Академии наук – Золотой медалью им. А.П. Карпинского.

Практическим результатом исследований явилось открытие месторождений нефти, газа, фосфоритов, бурых углей, артезианских вод, калийных солей, железных и марганцевых руд, бокситов, разведанных по его прогнозам на Урале, в Казахстане, Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Монголии, Сирии, Индии и Австралии. В 1981 году ему было присвоено звание Героя социалистического труда. В 1982 году Александра Леонидовича избрали вице-президентом Академии наук СССР.

Будучи естествоиспытателем в классическом понимании этого слова, Яншин с 1970 года целенаправленно занимался одной из самых острых проблем современности – экологией и добился больших результатов – отмены решения о переброске на юг части стока северных и сибирских рек, о постройке канала Волга–Чограй, Ржевского водохранилища и Крымской АЭС. Недаром Александра Леонидовича называли «человеком Ноосферы».

Приведем выдержку из решения Политбюро ЦК КПСС, опубликованного во всех центральных газетах 16 августа 1986 года: «Рассмотрев вопросы осуществления проектных и других работ, свя-

Диплом о присуждении золотой медали им. А.П. Карпинского

занных с переброской части стока северных и сибирских рек в южные районы страны, Политбюро в связи с необходимостью дополнительного изучения экологических и экономических аспектов этой проблемы, за что выступают и широкие круги общественности, признало целесообразным прекратить указанные работы»³. Это была яркая победа А.Л. Яншина как ученого, организатора, общественного деятеля и просто гражданина.

По его инициативе в Верховном Совете СССР, депутатом которого он стал в 1989 году, был создан Комитет по экологии. В 1993 году он основал Российскую экологическую академию и был избран ее первым президентом.

Неоценимы усилия Яншина в деле увековечения памяти великого русского ученого В.И. Вернадского, у которого в молодые годы ему посчастливилось брать консультации по некоторым вопросам. С 1990 года под редакцией Яншина начали выходить тома основанной им «Библиотеки трудов академика В.И. Вернадского», впервые без купюр.

Мировое научное сообщество высоко оценило научную и научно-организационную деятельность А.Л. Яншина: он член академий наук многих

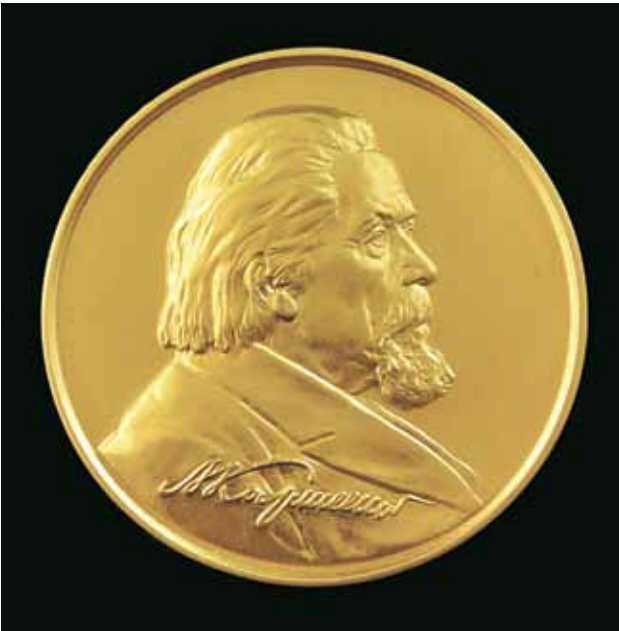
стран – МНР (1974), ГДР (1980), Республики Башкортостан (1991), АН Республики Грузия (1996).

Коллеги-геологи и специалисты других областей знания неизменно отмечали его исторический подход к решению различных задач, энциклопедическую образованность и постоянный интерес к истории культуры и человеческого общества. Огромное значение А.Л. Яншин придавал пропаганде и сохранению наследия деятелей науки и культуры, прежде всего России.

В феврале 1993 года, когда Музей имени Н.К. Рериха открыл первую экспозицию в пяти комнатах флигеля, Александр Леонидович был на открытии выставки – он не мог пропустить такое событие, как возвращение наследия Рерихов на Родину. Яншин подошел к директору музея Людмиле Васильевне Шапошниковой и сказал: «Не правда ли, удивительны и восхитительны гималайские пейзажи? А ведь Рерих – великий мыслитель. Посмотрите, в какие прекрасные и точные образы облекались его мысли. Это целая сокровищница подлинного Духа». И скромно добавил: «Я сам геолог и знаю эти горы»⁴.

³ Цитируется по: Залыгин С.П. Поворот. М.: Мысль, 1987. С. 5.

⁴ Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы. В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 2005. С. 309–310.

Золотая медаль им. А.П. Карпинского

Яншин не только знал эти горы, но, как и Н.К. Рерих, находился во власти этих гор. Свято-слав Николаевич Рерих, вспоминая беседы с ним во время его приездов в Бангалор (Индия), говорил: «Александр Леонидович умнейший человек и крупный ученый. Он как никто понимает, что собой представлял мой отец Николай Константинович и что он сделал для людей»⁵.

В тяжелый для Музея им. Н.К. Рериха 1993 год Яншин сразу пришел на помощь. На пресс-конференции он выступил в защиту музея и самым решительным образом осудил постановление,

подписанное тогдашним премьером В.С. Черномырдиным. Он не колеблясь поставил свой автограф на заявлении ученых по поводу несправедливого и немотивированного решения передать усадьбу Лопухиных и коллекции Рерихов Музею Востока: «Новое всегда вызывает у основной массы людей непонимание и попытки опорочить это новое, – сказал он тогда. – Возьмите наших великих ученых, Вернадского, Циолковского, Чижевского. Их ведь тоже долгое время не признавали, да и сейчас ситуация вокруг них сложилась непростая. Я долгое время занимаюсь наследием Вернадского и хорошо знаю, какой тяжелой и сложной была жизнь Владимира Ивановича. Да и с самим Рерихом у нас не все в порядке. За новое надо бороться, и я желаю вам удачи. Ну, а что касается меня, всегда готов вам помочь»⁶.

До последнего дня своей жизни Александр Леонидович Яншин оставался рядом с теми, кто отстаивал дело Музея Н.К. Рериха и Международного Центра Рерихов.

Научная, организаторская и общественная деятельность А.Л. Яншина широко освещена в многочисленных публикациях, написанных коллегами, учениками и друзьями. Но лучше всего о себе и своей работе Александр Леонидович рассказал сам в набросках к автобиографии, в интервью многочисленным корреспондентам различных изданий, фрагменты которых мы публикуем.

Памятная медаль им. Карла Эрнста фон Бэра Академии наук Эстонской ССР за достижения в естествознании и в охране природы Эстонии. 1988

⁵ Шапошникова Л.В. Большой друг музея имени Н.К. Рериха // Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы. Кн. 2. С. 308.

⁶ Там же. С. 311.

Воспоминания

Выбор пути

В своем становлении я многим обязан отцу, личности яркой и разносторонней. В детстве и отрочестве он часто брал меня с собой на охоту, весной на вальдшнепов, осенью – на куропаток и уток. Помню, меня больше привлекала не сама охота, а природа. Особенно приятно было наблюдать пробуждение леса весной, слушать пение птиц. Одно время мне даже хотелось стать орнитологом⁷.

<...> Я учился в опытно-показательной школе при Смоленском университете. Университетские профессора, особенно один из них, Леонид Григорьевич Граве, пробудили во мне страсть к широкому природоведению, любовь к естественным наукам⁸.

<...> В годы юности определился круг чтения: в поэзии – Лермонтов, Пушкин, Шекспир, Киплинг, позже Гумилев, Ахматова, Пастернак, Бродский, в прозе – Достоевский, Толстой, Диккенс, Фолкнер... Были и книги по географии, истории, естествознанию⁹.

<...> В семнадцать лет, после окончания школы, я не предполагал, что стану ученым, и даже в институт не собирался поступать. Меня очень влекли путешествия, я уже тогда очень любил природу и всей душой стремился изведать романтику странствий по далеким, неведомым краям. Точной профессиональной ориентации я тоже не имел. Но во мне было очень велико то самое стремление, которое так ясно выражено в древней поговорке кочевников: «Душу номада (кочевника) даль зовет»¹⁰.

<...> Я избрал геологию. Кроме любви к природе, у меня уже в юности созрело желание быть полезным Родине. И я надеялся, что если я стану геологом, то смогу участвовать в открытии новых месторождений полезных ископаемых, составле-

нии прогнозов. Так и оказалось впоследствии... выбор профессии оправдал мои юношеские стремления и надежды¹¹.

Моя первая «научная» должность была – колл-лектор. А попросту говоря, почти разнорабочий в экспедиции. Представьте себе: выжженная степь, волнистый ландшафт, раскаленное солнце над головой и лазурно-синяя поверхность Аральского моря на горизонте. И мы, который уж день бредущие по степи. Провиант, палатки, приборы – все с собою на лошадях и верблюдах. Буровой инструмент тоже с собою. А потом приходили к местам выходов фосфоритов, приступали к ручному бурению. Да, да, ручному! По два человека попеременно мы вгрызались в землю. Через три-пять метров вынимали инструмент, брали пробы, а затем снова шли дальше в глубину, снова этот тяжкий труд...

И было еще одно очень важное обстоятельство. Уходя каждое лето в очередную экспедицию, мы все – и я тоже – ясно осознавали, как важен, как нужен был стране наш труд. Начиналась индустриализация, начинались великие стройки, и необходимо было буквально все: минералы, металлы, нефть, уголь. И все это требовали от нас, геологов. В семнадцать-восемнадцать лет я уже понимал и ощущал во всей полноте это гордое и весомое чувство: ответственность за свое дело.

<...> Возвращаясь в Москву, в наш институт, я набрасывался на груды образцов, привезенных нами из степей, старался понять происхождение закономерности залегания пород, скрытый язык минералов, шифр, ведущий к полезным ископаемым. И особенно остро ощущал недостаточность знаний. Именно в эти годы я почувствовал, что геология для меня – это любовь навсегда, и понял еще, что для того чтобы эта любовь не стала несчастной,

⁷ След за музой странствий. Интервью чл.-корр. РАМН Н.А. Агаджаняна и специального корреспондента журнала «Наука в СССР» Е.В. Мухиной с А.Л. Яншиным // Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы. Кн. 1. С. 305. (Впервые опубликовано в журнале «Наука в СССР». 1991. № 6. С. 28–33.)

⁸ Найти себя. Академик А.Л. Яншин и народный артист СССР М.М. Яншин (ответы А.Л. и М.М. Яншиных на вопросы читателей записали корреспонденты И. Днепров и А. Шифрин) // Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы. Кн. 1. С. 192. (Впервые опубликовано в газете «Социалистическая индустрия» от 31 марта 1973 г., с. 4.)

⁹ След за музой странствий. С. 305.

¹⁰ Дивное и возвышенное. С академиком А.Л. Яншиным беседует специальный корреспондент «Смены» Марк Баринов // Смена. Изд-во «Правда», 1968. № 22. С. 10.

¹¹ Академик А.Л. Яншин о Российской академии наук // Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы. Кн. 1. С. 345. (Впервые опубликовано в: Ответы на вопросы редакции журнала ВИЕТ в связи с юбилеем РАН // ВИЕТ. 1999. № 4. С. 67–70.)

Леонид Яншин – отец А.А. Яншина.
Смоленск, 1903

Мария Яншина (Ланина) – мать А.А. Яншина.
Смоленск, 1903

мне совершенно необходимы знания, необходимо систематическое образование. Я решил поступать в институт. А вместо этого на следующий год меня назначили начальником партии. Мне не было еще и двадцати, а под моим началом оказались шестьдесят геологов, лаборантов, коллекторов, рабочих. Задача была поставлена очень ответственная – искать фосфориты для начавшейся химизации сельского хозяйства. Выхода не было. Работать и учиться¹².

Вся жизнь – образование

Главный элемент моего образования – литература. Образование – это не только вуз. Это жизнь до и после него. А литература, по которой я получил образование, – далеко не только геологическая¹³.

<...> Чрезвычайно ценю старые и редкие издания. Старина – не самоцель, но некоторые древние книги, как художественные, так и научные, иметь дома не просто приятно, а порой необходимо. Книга – не роскошь, а орудие нашего производства.

И старая книга доносит до нас дух эпохи, самую суть мыслей, рожденных в эту далекую эпоху¹⁴.

<...> Много времени уходит на то, чтобы узнать, что делается в смежных областях науки. Стараюсь быть «своим человеком» в биологии. В области истории человеческого общества меня привлекают крупномасштабные исторические явления – развитие и гибель древних цивилизаций, переселения народов. Слежу также за новейшими данными в области палеоантропологии – науки о древнем человеке¹⁵.

Историю науки знать необходимо, чтобы не изобретать велосипед. Но историю литературы, культуры, человеческого общества еще более необходимо знать, чтобы в историю науки входить человеком подготовленным¹⁶.

<...> Геология – единственная из естественных наук – историческая. Поэтому закономерен мой интерес к истории происхождения человека и человеческого общества. Литература по этим предметам давно убедила меня, что фазы обществен-

¹² Дивное и возвышенное. С. 10.

¹³ Яншин А.А. Выбор // Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы. Кн. 1. С. 156.

¹⁴ Там же. С. 162.

¹⁵ Найти себя. С. 195.

¹⁶ Яншин А.А. Выбор. С. 156.

Государственные награды А.Л. Яншина

ного развития далеко не одновременны на всей планете. <...> Эти факты из истории человеческого общества определенным образом повлияли на мое научное мировоззрение в области геологии¹⁷.

<...> Я считаю чрезвычайно важным для ученого знать не только предшествующие работы по тем проблемам, которыми они занимаются, но и историю жизни этих своих предшественников, условия, в которых они творили, обстоятельства, которые помогли им сделать те или иные открытия. Идеалом в этом отношении для меня является наш великий ученый В.И. Вернадский, который знал историю развития всех естественных наук, как никто другой, и сам много писал об этом¹⁸.

Гордость родителей

Из письма отца, Л.А. Яншина, другу детства Г.Л. Цетлину¹⁹

У нас один сын, милый, сердечный и заботливый. Он нас и поддерживает всемерно. Он – геолог, работает с 1936 г. в Геол. институте Академии наук. Звание кандидата было ему присуждено еще в 1937 г. без защиты диссертации. Три кита геологии, три академика – А.Д. Архангельский, В.А. Обручев и А.Н. Заварицкий дали такое заключение: «Три работы, представленные А.Л. Яншиным, настолько превышают (каждая) требования, предъявляемые нами к кандидатским диссертациям, что защиты не требуется». За время войны он был четырежды премирован и получил Трудовое Знамя.

Три года назад он блестяще защитил докторскую диссертацию. Именно блестяще. Оппоненты были известные: академик Н.С. Шатский, украинский академик О.С. Вялов и ленинградский профессор, член-корреспондент АН В.П. Ренгартен. Все трое исключительно высоко оценили работу. Академик Шатский говорил: «Сегодня происходит только оформление докторского звания А.Л. Яншина. Мы все давно знаем его как доктора. А его труд представляет собой не диссертацию, а три превосходных диссертации, законченных, богатых по содержанию и по тому новому, что вносит наш ученый в науку».

Ренгартен сказал: «Этот труд на многие годы станет настольной книгой для геологов Урала, Казахстана, Нижнего Поволжья и Прикаспийского края; для ученых и студентов, для геологов-практиков». Он отметил исключительную эрудицию диссертанта и редкое умение в разрешении сложных вопросов.

Очень тепло говорил о нем и третий оппонент, академик Вялов: «Это ученый-новатор, который смело ставит сложные проблемы и талантливо их разрешает». А дальше: «В одном пункте я разошелся с А.Л., но и здесь он меня убедил. Впрочем, у Александра Леонидовича есть такое свойство: когда он пишет или говорит, – и не хочешь иногда верить, а веришь».

Ученый совет (33 чел.) был в полном составе, и степень доктора присуждена единогласно.

<...> Обыкновенно на диссертациях бывает 60–80, редко сто человек. На его защите конференц-зал был битком набит. Стояли вдоль стен, и целая толпа была у двух открытых дверей. Верно, человек четыреста, если не больше.

Заседание Совета только что открылось, и сын начал доклад, когда через толпу у двери пробирался старший академик отделения геолого-географических наук Д.И. Щербаков. И ворчал: «Понятно, когда геологический Карузо выступает, то и в залу не войдешь». Его труд напечатан и уже разошелся. За эту работу сыну моему Президиумом Академии присуждена старшая академическая премия им. Карпинского. Притом в первый раз вся одному лицу.

<...> Говорит он прекрасно. Так же и пишет. Но от профессуры уклоняется, занятый своей работой в Академии. А предложений этого рода был целый ряд. Пока писалась его огромная работа, он, кроме того, выпустил три ценных монографии по другим вопросам. Каждую из них институт предлагал дать как диссертацию. Сын мой отказался, объясняя, что

¹⁷ Яншин А.Л. Выбор. С. 158.

¹⁸ Там же. С. 160.

¹⁹ Родители сыграли огромную роль в становлении личности А.Л. Яншина, он был их надеждой и опорой. Мы публикуем письмо отца, Л.А. Яншина, своему другу детства Горацию Львовичу Цетлину. Письмо написано 22 декабря 1954 года.

он дал слово институту выполнить свою трудоемкую работу и представить ее как диссертацию.

В прошлом году он получил второе Трудовое Знамя. Так что он орденосец вполне: два Трудовых Знамени и Знак Почета.

По наследству от меня он – страстный любитель природы и охотник. И я каждое лето уезжаю к нему, когда он на полевых работах. Ездил к нему на Урал, в Башкирию, в Казахстан, в Приаралье, на Сырдарью и т.д.

Работает он всегда напряженно, но со мной охотится. Охотимся мы с ним чудесно. А я кроме того и рыбы половил в полное удовольствие. И эта жизнь на природе, переезды, вечера у костра, ночевки в палатках, восходы и заходы солнца на степных водах, красоты Урала, – все это для меня полно очарования. Там мы вспоминаем с ним Москву, литературу, театры, картины, а в Москве – наше привольное степное житье²⁰.

Сила духа

Лет двадцать тому назад (в первые годы после войны. – Ред.) мы вели большие работы по поискам железных руд в Приаралье. А надо вам сказать, что в тот период я находился в трудном положении. Каждый год мы привозили все новые и новые находки, привозили горы образцов, проб. У меня в Москве накопились горы схем, калек, геологических карт. И, самое главное, накопилось огромное количество наблюдений, мыслей, материалов для широких обобщений, выводов. Было совершенно ясно: надо остановиться, осмотреться, как говорят, сделать теоретические выводы об исследовании этого обширнейшего района (Северное Приаралье). В конце концов это был мой долг ученого. Но зимы хватало на черновую обработку материалов, а лишь только сходил снег – снова настоятельно звали нас тропы геологической разведки.

...Это случилось осенью сорок девятого года. Я приехал в одну из партий проверить результаты исследований и спустился в шурф – двадцатичетырехметровую отвесную трубу, в которую человека опускали в крохотной одноместной бадье. Завершив осмотр, я велел поднимать меня наверх. И вот, когда подъем был почти завершен, блок оборвался, и бадья полетела вниз. В се-

кунды этого страшного полета сработал инстинкт: руки сами собой уперлись в стенки шурфа, что замедлило мое падение и спасло мне жизнь...

Пока друзья наверху подвезли другой подъемник с новой бадьей, пока ее прилаживали и спускали, прошло я уже не знаю сколько часов, или дней, или лет... Я лежал внизу, в темноте, раздираемый болями, с переломанными ногами, ободранной спиной, и думал лишь об одном: только не потерять сознание! Ведь я знал: бадья одноместная, я сам должен буду влезать в нее.

Дальнейшее помню обрывками. Как спустились бадью. Как влезал в нее, вернее втаскивал в нее свое тело. Как поднимался наверх. <...> Окончательно пришел в себя в Москве, в больнице Склифософского. Позднее я познакомился со своим диагнозом. Почти полностью была оторвана правая стопа, открытый перелом правого колена, закрытый перелом лодыжки левой ноги, перелом правого плеча с разрывом артерии, тяжелейшие внутренние ушибы – каждое ранение такое, что достаточно одного из них, чтобы сделать челове-

А.А. Яншин и А.А. Яншин. Актюбинская область, Казахстан. Лето 1953 г.

²⁰ Яншин Л.А. Из письма другу // Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы. Кн. 1. С. 78–79.

ка калекой... Меня запеленали, загипсовали, растянули чуть ли не во всех направлениях и подвесили прямо-таки как в коконе.

Теперь начались новые мучения – мучения ожидания. Мне сказали: лечение продлится год или два. Год или два безделья, с ума сойти. Время шло, и когда мне освободили правую руку, я уже принял решение: добился от врачей разрешения работать. Решил заняться переводом с французского языка большой монографии М. Жинью «Стратиграфическая геология». Это был мой первый и последний опыт работы в качестве переводчика. Во всяком случае, книга была издана в 1958 году, и две главы из нее в моем переводе! Но это было все не то... Больничная койка цепко держала меня, а впереди оставались долгие, томительные месяцы лечения.

Я перебирал в памяти начатые и неоконченные работы, ломал голову над нерешенными проблемами и вдруг понял: вот он, самый мой долгожданный творческий отпуск, предоставленный мне самой судьбой для осмысления огромного накопленного материала!

...Был строгий консилиум, жестокий спор с врачами, в котором я победил: мне разрешили заниматься, работать прямо тут же, в палате. Жена и друзья позаботились о том, чтобы доставить мне все необходимое: карты, схемы, описания, справки, нужную литературу. Палата превратилась в филиал институтской лаборатории. Работа закипела, дни полетели, и даже кости мои, кажется, стали срастаться быстрее.

Одним словом, уже через год, еще с костылями, я снова уехал в экспедицию, оставив в Москве труд, написанный в больнице, – «Геология Северного Приаралья», ставший моей докторской диссертацией²¹.

Человек ноосферы

Орнитологом я не стал, но любовь к живой природе сохранил на всю жизнь. Поэтому я всегда следил за работами зоологов, ботаников и лесоводов и сам публиковал очерки природных условий изучавшихся мною территорий в своих более крупных геологических работах. А когда к началу 60-х годов стал ясен масштаб антропогенных воздействий на эти самые природные условия и возникло понятие о необходимости охраны окружающей человека среды, я включился в разного рода природоохранные мероприятия.

<...> За теоретическую основу мы приняли учение нашего великого соотечественника академика В.И. Вернадского о неизбежности превращения биосферы в сферу Земли, организованную коллективным человеческим разумом, – ноосферу²².

<...> Часто этот термин понимается неправильно. Забывают, что Вернадский называл ноосферой биосферу на следующем этапе ее развития. Это не что-нибудь новое, это существующая сейчас биосфера, но преобразованная коллективным разумом для удовлетворения все возрастающих материальных, культурных, эстетических потребностей численно растущего человечества. И Вернадский был уверен, что человечество пойдет по тому пути, который сейчас уже явно намечился, – по пути очень строгого соблюдения экологических правил дальнейшего развития хозяйства²³.

<...> Кризисные экологические ситуации вовсе не являются следствием научно-технического прогресса. Чаще всего они возникают в результате неумелого, а иногда и преступного использования открывающихся возможностей²⁴.

В первой половине 80-х годов проводились изыскания и шла интенсивная проработка проектов переброски части стока рек севера Европейской части СССР (Онега, Сухона, Печора) через Волгу в Каспийское море и переброски части стока рек Западной Сибири в Среднюю Азию. Уже начался подвоз материалов к местам постройки плотин... <...> Мне удалось под эгидой Научного совета по проблемам биосферы создать экспертную комиссию из тридцати человек, которая на протяжении 1985 – начала 1986 гг. каждую пятницу собиралась в моем кабинете, глубоко прорабатывала проекты перебросок, обсуждала их и писала свое заключение. Переброска части стока северных европейских рек, помимо экологического вреда и огромных затрат, оказалась просто ненужной... Заключение нашей комиссии объемом более 150 страниц было в мае 1986 г. передано в Совет министров СССР, Совет министров РСФСР, Госплан и в Отдел науки ЦК КПСС. Председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков назначил его рассмотрение на 19 июля... <...> Меня поддержали только Председатель Совмина РСФСР В.И. Воротников и академик А.Г. Аганбегян, убедительно доказавший, что все стоимостные расчеты Минводхозом резко занижены.

Н.И. Рыжков подумал и сказал, что мои доводы кажутся ему правильными, а потому он намерен доложить в Политбюро о целесообразности

²¹ Дивное и возвышенное. С. 10.

²² Неопубликованные заметки А.Л. Яншина (из семейного архива Яншиных).

²³ Без ссор с природой. Интервью специального корреспондента Г. Шевелевой с А.Л. Яншиным // Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы. Кн. 1. С. 260.

²⁴ Вслед за музой странствий. С. 306.

прекращения финансирования всех работ, связанных с переброской стока северных и сибирских рек. На его вопрос: «Есть ли возражения?» – все промолчали. Совместное решение об этом Совета Министров и ЦК КПСС было опубликовано в газетах 14 августа²⁵.

Наследие двух вершин: Вернадский и Рерих

В истории отечественного и мирового естествознания В.И. Вернадский является своего рода пророком путей развития современной научно-технической революции. Его гению суждено было увидеть и понять космопланетарную роль научной мысли как новой геологической силы, «меняющей лик нашей планеты», и предсказать будущее нашей планеты – эволюцию биосферы в ноосферу – сферу человеческого разума. По его мнению, «взрыв» научной мысли в XX столетии подготовлен всем прошлым биосферы и имеет глубочайшие корни в ее строении. Он не может остановиться и пойти назад. Он может только замедлиться в своем темпе. Вернадский верил, что биосфера неизбежно перейдет так или иначе, рано или поздно, в ноосферу, т. е. в жизни народов, ее населяющих, произойдут события, нужные для этого, а не противоречащие процессу²⁶.

<...> В последние два-три года, когда административные обязанности больше не держат меня в своих тисках, все свободное время я отдаю вопросам экологии и изучению научного наследия академика В.И. Вернадского²⁷.

<...> В России всегда было много светлых умов, подлинных творцов в разных областях науки и искусства, признанных во всем цивилизованном мире. Оглядывая сейчас, с порога третьего тысячелетия первую половину нашего XX в., мы замечаем среди множества вершин две особенно высоких, свет которых не угасает, не ослабевает, а, наоборот, с течением времени становится все более ярким.

Это Николай Константинович Рерих (1874–1947) и Владимир Иванович Вернадский (1863–1945)...

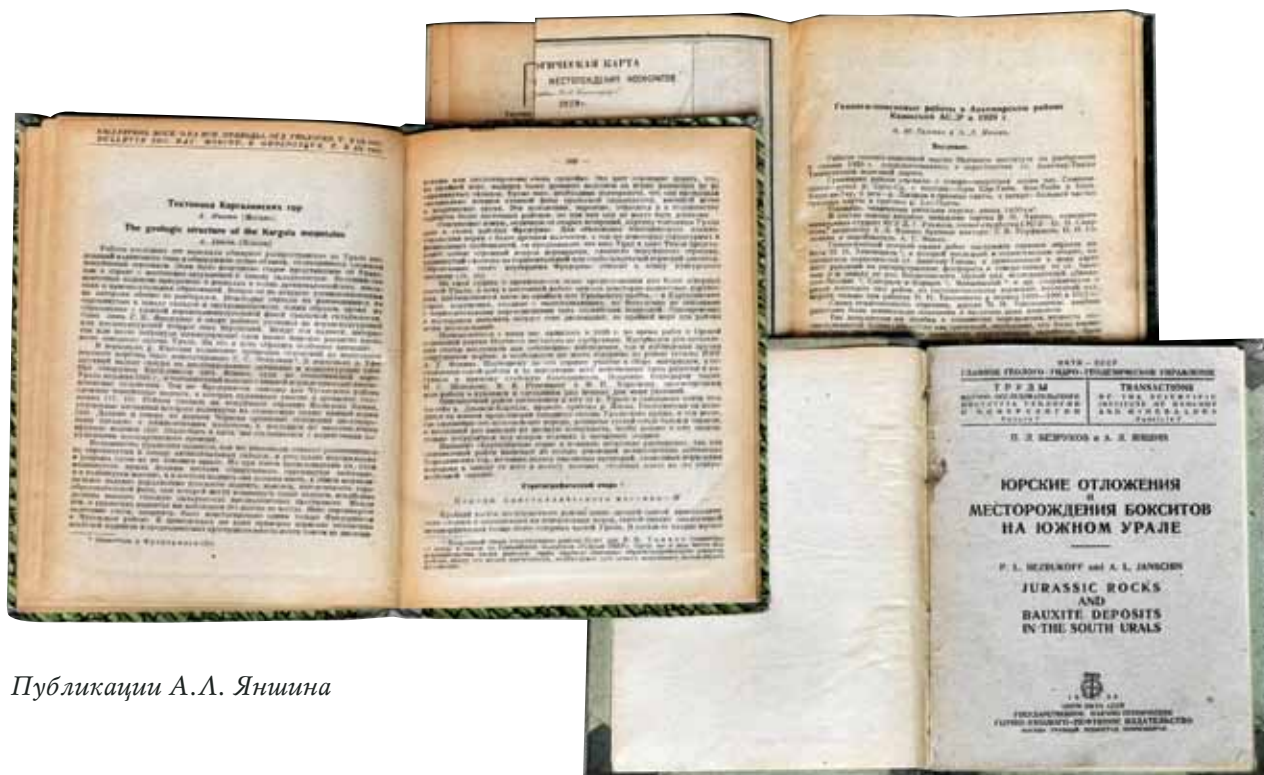
Первый – великий художник, но в то же время мудрец. Учитель с большой буквы, путешественник, писатель, поэт, автор многотомного труда «Учение Живой Этики», которая в будущем, возможно, станет Библией общей религии объединенного человечества.

Второй – великий ученый, энциклопедист в области естествознания, кристаллограф, минералог, геохимик, основоположник биогеохимии и радиогеологии, но в то же время глубокий философ и мыслитель, создатель учения о биосфере Земли и о неизбежности ее преобразования в сферу человеческого разума – ноосферу, в которой все

²⁵ Яншин А.Л. О результатах научных исследований академика А.Л. Яншина // Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы. Кн. 1. С. 181–183. (Рукопись датирована 16 марта 1996 г.)

²⁶ Вслед за музой странствий. С. 306–307.

²⁷ Там же. С. 305–306.

Публикации А.Л. Яншина

Вице-президент А.А. Яншин принимает чету Рерихов. Президиум АН СССР, Москва. 13 мая 1987 г.

человечество будет объединено и начнет разумно преобразовывать природу для максимального удовлетворения своих материальных и духовных потребностей²⁸.

<...> У В.И. Вернадского был ум аналитический, у Н.К. Рериха скорее синтетический, художественно-поэтический, но подход ко всему у обоих был исторический²⁹.

Власть гор

...И на третий или четвертый день я проснулся с явным ощущением того, что нахожусь не на Земле, а на какой-то другой планете или в царстве Черномора. Все оставшееся на зеленой Земле стало казаться мне чем-то чужим или случившимся со мною в какой-то другой жизни. Я ловил себя на том, что мне стали безразличными дела и люди, оставшиеся там, внизу. Даже самые близкие мне люди. Я был где-то вне их судеб. И был совершенно свободен от каких бы то

ни было обязательств, как перешедший в какое-то другое измерение жизни. Это было очень странное состояние, но не возбужденное, а наоборот, успокоенное, отрешенное, запомнившееся на долгие годы. Хотелось только любоваться этими уходящими в бесконечную даль горными ландшафтами и чувствовать себя не властелином Природы, а песчинкой ее могучих сил. Такова власть гор.

Мне стали понятны буддийские монахи, уединившиеся в пещеры Гималаев или в одинокие ступы на холодных равнинах Тибета. Там было ближе к Богу и дальше от всего земного... <...>

А когда на следующий день мы спустились к Арча-Майдану и поехали вдоль него на север к долине Зеравшана, я радовался и удивлялся всему: зеленым кронам каргачей, торопливому шуму горной речки, пестрым халатам стариков-таджиков. Мне казалось, что я возвращаюсь на родную зеленую и теплую Землю с другой прекрасной, но холодной и мертвой планеты, которая на несколько дней меня околдовала³⁰.

²⁸ Яншин А.А. Н.К. Рерих и В.И. Вернадский // Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы. Кн. 1. С. 122–123. (Впервые опубликовано в журнале «Мир огненный». 1998. № 16. С. 12–16.)

²⁹ Там же. С. 125.

³⁰ Яншин А.А. Высоко в горах. 1937 год // Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы. Кн. 1. С. 117. (Рукопись датирована 8 ноября 1992 г.)

Анатолий Карпов: «Я человек дела»

Восьмидесятые годы прошлого века... Целая эпоха, особый, удивительный мир страны. Мир надежд и последней веры, мир героев – космонавтов, бамовцев, хоккеистов и шахматистов. «Любовь, комсомол и весна» – пахмутовский оптимизм стал своеобразным девизом восьмидесятых. Страна знала своих героев, искренне любила их и гордилась ими. В 1975 году мы смотрели по ТВ, как лавровый венок лег на плечи шахматиста Анатолия Карпова, в 24 года (!) завоевавшего титул чемпиона мира.

Анатолий Карпов стал одним из символов нашей страны, ее гордостью и лицом. У него на все хватало времени – и на успешные выступления в турнирах, и на общественно-политическую деятельность. Он был депутатом Верховного Совета СССР, возглавлял Советский фонд мира, руководил самыми разными проектами и программами. Как руководитель одной из организаций-учредителей Советского Фонда Рерихов он принял самое активное участие в становлении общественного Музея имени Н.К. Рериха и финансовой поддержке на начальном этапе его создания. И сегодня, через двадцать лет, он является председателем Попечительского совета Международного Центра Рерихов.

В мае Анатолию Карпову исполняется шестьдесят. Накануне юбилея мы разговариваем с ним в стенах Музея имени Н.К. Рериха.

— **А**натолий Евгеньевич, ваша жизнь всегда до предела насыщена – шахматы, общественная деятельность, семья... Как вы все успеваете?

– Должна быть правильная организация труда. Конечно, непросто все успевать, но последние тридцать лет справляюсь (смеется). Остается время и на семью. Дочка сейчас в школе учится, ей тоже нужно внимание, какая-то конкретная помощь, да и моральная поддержка тоже.

– Вы член Президентского Совета Российской Федерации по культуре, председатель комиссии по экологической безопасности Общественной Палаты, президент Международной ассоциации фондов мира, региональный посол Детского фонда ООН (UNISEF), представитель множества других общественных и политических организаций. Какое из направлений Вам ближе всего, что больше греет душу?

– Я человек дела. Люблю начать какую-нибудь программу, отслеживать ее прохождение, понимать, что происходит в настоящий момент и какие шаги надо предпринять, чтобы проект позитивно развивался. Я человек конкретный, как за шахматной доской, так и в других сферах. Если за что-то берусь, то не бросаю на полпути и довожу до конца, и это доставляет мне удовольствие. Вот, например, у нас есть великолепная международная программа по Ивановскому Интердому...

Как отстаивали Интердом

Ивановский интернациональный детский дом существует почти восемьдесят лет. В нем жили дети, чьи родители оказались в тюрьмах стран с реакционными и фашистскими режимами. Первыми воспитанниками были дети антифашистов. После экологической катастрофы на Украине сюда прибыли дети из Чернобыля. Здесь обрели свой второй дом более 350 детей двадцати с лишним национальностей из зон межнациональных конфликтов и стихийных бедствий многих уголков России, из ближнего и дальнего зарубежья. Десять лет назад завершилось строительство и реконструкция комплекса зданий этого учреждения. Сегодня это самый большой в России детский дом с благоустроенной территорией, комфортабельным, светлым и хорошо оборудованным жилым комплексом. Несколько лет назад чиновники решили превратить Интердом в суворовское училище. Благодаря усилиям Анатолия Карпова как председателя попечительского совета этого детского дома и посла Детского фонда ООН (UNISEF), Интердом удалось отстаивать.

...Международная программа по Интердому была разработана почти двадцать лет назад, совместно с бельгийцами. Вначале в ней участвовала только одна крупная бельгийская школа, но потом к ней присоединились и другие. В рамках програм-

мы происходят постоянные контакты – родители знают об Интердоме, приезжают в Иваново, приглашают к себе наших детей, привозят своих.

Проекты и программы, которыми я занимаюсь, действительно очень разные, но есть особенные. Например, создание банка данных для «Книги Памяти». Это был очень трудный проект. Когда опускались руки и казалось, что выхода нет, я говорил своим помощникам: «Банк данных будет, несмотря ни на что!»

«Книга Памяти»

Мало кто знает, что сейчас уже издано 1700 томов «Книги Памяти». Ее основа – банк данных о тех, кто погиб в Великую Отечественную войну, защищая Родину. Он создавался Советским Фондом мира. Это было не просто вложение средств, а организация работы с нуля. Банк данных «Книги Памяти» создавался около семи лет, в преддверии пятидесятилетия Великой Победы. Это было непростое вре-

мя – распался Советский Союз, изменилось политическое устройство, экономика переживала стагнацию. Были сотни причин, чтобы свернуть проект, но Анатолий Карпов и его команда этого не сделали. В пересчете на сегодняшний день проект обошелся в один миллиард 300 миллионов рублей. Немалые деньги, но есть нечто нематериальное, что бесценно.

...Мы придаем большое значение развитию отношений со странами СНГ. В этом году исполнится двадцать лет, как СССР прекратил свое существование. Печальное событие, но жизнь продолжается. Содружество независимых государств пока не набрало силы, его нужно укреплять и развивать. Позитивность Содружества понимают и в Казахстане, и в Беларуси, и на Украине. Но организаций, которые все это время сохраняли связи с ближним зарубежьем, очень мало, их можно пересчитать по пальцам. Две из них создал я. Это Международная ассоциация фондов мира и Меж-

В зале Центрально-Азиатской экспедиции Музея имени Н.К. Рериха

дународная ассоциация шахматных федераций стран СНГ. Мы работаем с ближним зарубежьем постоянно, по определенным программам.

– Анатолий Евгеньевич, почему вас заинтересовал Международный Центр Рерихов?

– С конца семидесятых и в начале восьмидесятых годов я много ездил с выступлениями по стране. Был в Новосибирске, там и открыл для себя творчество Рерихов. Позже, в 1989 году (я уже был тогда народным депутатом и семь с лишним лет возглавлял Советский фонд мира), мне повезло лично встретиться со Святославом Николаевичем Рерихом. Он решал вопросы о передаче наследия. Помимо того, что Святослав Николаевич заручился поддержкой Горбачева, он искал поддержки у неправительственных организаций, а мы в тот момент имели достаточный авторитет и хорошие материальные ресурсы. Святослав Николаевич понимал, что поддержка Советского фонда мира может явиться гарантом реализации той идеи, с которой он приехал. Мы повели переговоры. И при первой встрече он сказал, что на политическом уровне все складывается хорошо, но президенты могут меняться (как будто заглянул в будущее), и неизвестно, сохранится ли преемственность. Ему хотелось заключить договор с общественной организацией о финансовых гарантиях, об обеспечении сохранности и безопасности коллекции. Такой договор был подписан.

Потом пришло время гайдаровских реформ, и после 1993 года стало невозможно выполнять обязательства, которые мы на себя приняли. Я написал письмо Ельцину с просьбой поддержать МЦР. Ельцин очень быстро откликнулся, и на тот момент это спасло Центр Рерихов. Потом нашлись спонсоры, и все как-то наладилось.

– В одной из своих последних статей о беспринципности чиновников, которые не предпринимают никаких действий по возвращению наследия Рерихов ее законному владельцу – Международному Центру Рерихов, Вы написали: «Вам, господа чиновники от культуры, выражаясь шахматным языком – мат!» Но в реальности ничего не меняется. Что нужно сделать, чтобы переломить ситуацию?

– Большая часть картин Святослава и его отца из наследия, привезенного из Индии, составляла основу передвижных выставок еще в советское время. Святослав Рерих предполагал, что потом они вернутся в коллекцию, которую он передал Международному Центру. После смерти Святослава Николаевича официальные власти стали считать эту коллекцию своей собственностью. При этом мы никак не можем добиться организации надлежащего контроля над картинами из бывшей передвижной экспозиции. Есть подозрения, что некоторые картины исчезли, другие подме-

А.Е. Карпов

нены. В Музее Востока получить четкий ответ невозможно. Ситуация остается напряженной, а министерство культуры негласно защищает «своих», хотя, честно говоря, я не понимаю, почему в такой ситуации нужно поддерживать государственный музей, а не общественный. Я уверен, что это было бы по справедливости. Но когда изменится понимание чиновников – вопрос сложный...

– Что Вам особенно нравится в нашем музее?

– Атмосфера. Когда вы приходите в музей Рериха, то вы попадаете в другой мир. И я думаю, что этот музей, как никакой другой, заставляет человека задуматься. Задуматься о бытии, о том, насколько мир разный... Творчество Рерихов в большей своей части связано с Тибетом. Тибет сам по себе загадка, а через работы Рериха он открывается с какой-то новой стороны. Но каждый видит свое, в меру подготовки, в меру глубины познания. Мне всегда интересно здесь. Когда я оказываюсь в странах, где есть коллекции картин Николая и Святослава Рерихов, то стараюсь ознакомиться с ними.

– Мы знаем, что вы автор почти шестидесяти книг. Большинство из них посвящены шахматам. Но есть книги и на другие темы. О чем вы еще пишете?

– Книг у меня намного больше. Сейчас заканчиваю семьдесят седьмую. Кстати, она тоже не чисто шахматная. Первая моя «не шахматная» книга вышла во времена перестройки. Если быть точнее, это была только глава, но в какой книге! Мне была оказана честь участвовать в сборнике, в который вошли работы Гельмута Коля, Маргарет Тэтчер, Михаила Горбачева. Тема сборника – роль общественных организаций в условиях перестройки, в условиях улучшения отношений между СССР и европейскими странами. Я писал о миротворческом движении. Сборник выпустило люксембургское издательство. Очень интересная книга, но вышла только на английском и немецком языках. У нас, к сожалению, нет. Слишком быстро развивались события, и, наверное, было не до издания этой книги.

Действительно, у меня в основном шахматные книги разных направлений, начиная от учебника для самых маленьких детей до серьезных книг для игроков высшего эшелона. Удачной получилась

книга для детей, я ее сделал вместе с компанией Disney. Даже не знаю, сколько десятков изданий она выдержала. Но знаю, что она побилла все рекорды – вышла на двадцати двух языках мира. На русском языке она выдержала, наверное, изданий пятнадцать.

В соавторстве с профессором Сорбонны я написал книгу «Философия и психология ведения переговоров». В ней мы проводили аналогии между шахматами и бизнесом, шахматами и политикой. Подготовка к шахматной партии сродни подготовке к бизнес-переговорам. Так же как и в шахматах, после победы в отдельно взятой партии требуется провести какую-то стратегическую линию на дальнейшее развитие турнира. То же самое и в бизнесе. Это первая попытка психологического обобщения, и, думаю, она найдет своего читателя.

– Среди ваших книг есть книги по филателии?

– Я занимаюсь филателией с юности. Это одна из возможностей быстро переключиться, отдохнуть от шахмат, что порой просто необходимо. Собрана неплохая коллекция, а серия марок Бельгии и Бельгийского Конго, пожалуй, сильнее, чем в бельгийском музее. Сейчас заканчиваю книгу,

А.Е. Карпов с супругой, В.В. Васильев и И.А. Антонова на церемонии вручения премии

посвященную как раз шахматной филателии, аспекту, который не изучал никто. Пока ориентировочно она называется «Энциклопедия шахматной филателии». Это попытка описать выпуски шахматных марок всего мира. Поскольку я этим занимаюсь как шахматист и филателист, то я владею уникальной информацией. Частично коснусь и шахматной нумизматики. Это сравнительно новое направление. Когда людям говоришь об этом, они удивляются: «Как это? Монеты – шахматные?» А между тем в мире их сейчас около сорока. Есть и российская монета, в память великого русского шахматиста Михаила Чигорина.

– *Василий Смыслов был профессиональным певцом, Борис Спасский – журналистом, Марк Тайманов – пианистом. А кто по профессии вы?*

– Я экономист. С отличием окончил Ленинградский университет и некоторое время был младшим научным сотрудником, потом старшим научным сотрудником ЛГУ, после переезда в Москву в 1979 году стал старшим научным сотрудником экономического факультета Московского университета. Экономика меня интересо-

вала всегда и продолжает интересоваться сегодня. Я профессор одной очень необычной кафедры. Совсем недавно в Российском государственном торгово-экономическом университете (РГТЭУ) была создана кафедра экономической и экологической политики при поддержке очень прогрессивного человека, доктора юридических наук, ректора этого университета С.Н. Бабурина. Это первая в России кафедра такого «двойного» направления. Я являюсь ее заведующим и президентом Российского экологического фонда. Вижу большие перспективы такой кафедры. Мы даем студентам одновременно экономические и экологические знания, что несомненно востребовано сегодня и будет необходимо в будущем.

– *В 1975 году на церемонии коронации вы сказали, что «одна из главных обязанностей чемпиона мира – быть играющим чемпионом, чтобы люди разных стран видели его за шахматной доской, а гроссмейстеры и мастера могли бы померяться с ним силами...». Вы остаетесь верны слову?*

– Я продолжаю много ездить и выступать, пропагандирую шахматы среди молодежи. Считаю,

что добиваться высочайших результатов совсем не обязательно – достаточно просто уметь играть в шахматы. Каждому ребенку, думаю, получить навыки игры будет нелишним. Они пригодятся и в учебе, и в жизни. Сейчас к этому пришли во многих странах. Не случайно шахматы как предмет вводят в школьные программы по всему миру, на всех континентах. Да и у нас в стране есть достойные примеры. Шахматный всеобуч с успехом внедряется в южноуральском городе Сатка. Обучение мальчиков и девочек начинается в старшей группе детского сада и продолжается в начальной школе. Дальше – в зависимости от желания ребенка.

– Ваши шахматные школы действуют во многих странах. Где была открыта первая из числа зарубежных?

– В Восточной Германии, в Берлине. Но просуществовала недолго, всего один год. Однако после объединения Германии работа была продолжена, и я открыл школы в Баден-Бадене, а затем в Хоккенхайме – городе, где проводятся соревнования «Формулы-1». Есть школа в Сербии, в старинном городе Вальево. Есть успешная школа в США, в Канзасе, причем не в столице штата, а в небольшом городке в степи, где в разных возрастных категориях мы вырастили уже четырех (!) чемпионов Соединенных Штатов. Есть школы в Аргентине, в Чили, в Румынии, в Белоруссии, в Турции. В Германии проходит реформа школьного образова-

ния, предполагающая обязательный продленный учебный день. И в дополнительные три часа планируют включить шахматы. В начале года я побывал в чешском городе Лидице, где проводился турнир для чешской молодежи. Есть договоренность об открытии там шахматной школы имени Карпова. Это будет двадцать восьмая страна в мире, где есть мои школы.

– А в России?

– Недавно открылась шахматная школа в Томской области, в маленьком поселке Белый Яр. В апреле я побывал в Пензе, встретился не только с играющими детьми, но и со взрослыми, которые могут создать какую-то систему. Предполагается, что там тоже будет шахматная школа имени Карпова.

Шахматное обучение активно поддерживают в министерстве образования, несколько лет назад даже была создана специальная комиссия. Я возглавляю комиссию «Шахматы и образование в Российской Федерации». Существует масса шахматных проектов. В этом году будем праздновать двадцатилетие специализированной шахматной школы, которую мы начинали для детей черномыльских областей России, Украины и Беларуси, Южного Урала и Семипалатинска. Потом эта школа стала международной. Мы провели уже, по моему, 55 сессий. Приглашаем два раза в год в Москву ребят, которые достигли определенных успехов.

Сеанс одновременной игры

Среди друзей золотоустовцев. Февраль 2011 г.

Школа имени Карпова имеет статус отборочно-го турнира к первенству мира среди школьников и входит в календарь мероприятий ФИДЕ и Российской шахматной федерации.

– Какой день рождения вам особенно запомнился и как вы собираетесь отмечать нынешний?

– Мое пятидесятилетие отмечалось в Большом театре, попасть на него можно было только по пригласительным, но поклонники шахмат спрашивали билеты у входа. Было около двух тысяч человек, все прошло очень хорошо. Этот юбилей я решил сначала отметить 23 мая в филармонии Санкт-Петербурга, все-таки в этом городе я прожил десять лет, и у меня очень многое с ним связано. А 27 мая я и моя команда будем уже в Италии, в городе Мерано, где шахматная общественность намерена отмечать не только мой юбилей, но и тридцатилетие матча на мировое первенство, которое происходило в этом городе. Я тогда второй раз отстоял звание чемпиона мира.

Так что, я думаю, будут два замечательных вечера. Где и когда состоится празднование юбилея в Москве, еще не решил, но скорее всего осенью, быть может, в театре Эстрады, у него богатая история проведения шахматных чемпионатов мира. Я полон сил и энергии, но провести подряд три таких празднования – дело непростое.

– Ваш девиз?

– Особенного какого-то девиза у меня нет. Я вовремя понял, что для того, чтобы преуспеть, надо много работать. Я не привык праздновать, гулять, я человек дела. И даже после крупнейших соревнований не позволял себе отдыхать долго – максимум неделю. А некоторые годами праздновали свой успех, а потом не могли вернуться в нормальное «шахматное» состояние. Надо все время держать себя в тонусе. Я постоянно в работе, думаю, что это помогает мне сохранить здоровье, память и ясность мышления. Некоторые удивляются, что я могу рано утром прилететь откуда-то в Москву и уже в 11–12 часов прийти на работу и работать до десяти вечера. А я в этом проблемы не чувствую.

– Что вы пожелаете нашим читателям?

– Желая жить и здравствовать, несмотря на все трудности. Без трудностей ничего не бывает. Хочется, чтобы люди были добрее друг к другу. У нас общество очень напряжено, в Москве это особенно заметно. Люди не радуются друг другу, не хотят лишней раз обременять себя заботой о ближних, что уж говорить о совсем незнакомых. Но я верю в лучшее в людях.

Беседу вела Наталья Хмелевская

Редакция благодарит Льва Пятигорского за содействие в подготовке этого интервью

Т.И. Чечина

А.И. Аксёнова: «Каждый юбилей — это новые рубежи!»

...Идея Музея и движется, и растет, и получает успех выполнения только благодаря чистоте намерений и высоко поставленной цели...

И.В. Цветаев

Алиса Ивановна Аксёнова — фигура яркая, широко известная, ее авторитет в музейном деле неоспорим. Ее знают и ценят не только в России, но и во многих странах мира. В этом году у Алисы Ивановны двойной юбилей — 80 лет со дня рождения и полвека служения культуре на посту Генерального директора Государственного историко-архитектурного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Ее жизнь — это вдохновенное созидание, творческий поиск и годы упорной борьбы. Но не было и нет

в этой борьбе ни отстаивания личных интересов, ни мелких побуждений.

Вспомним музеи советских времен — скучно, сонно, безжизненно. Созданный Аксёновой музейный комплекс — это богатая страна познания, мир увлекательных путешествий, пространство творчества и красоты. Алиса Ивановна — музейщик по призванию, как говорится, от Бога. Строгие руководители, «железные» администраторы, как правило, не отличаются особой гибкостью — она же умеет идти в ритм со временем, менять так-

Т.И. Чечина. А.И. Аксёнова: «Каждый юбилей – это новые рубежи!»

А.И. Аксёнова и В.В. Путин в Музее хрусталя им. Мальцовых в Гусь-Хрустальном. 2005

тику, лавировать в новых условиях, что дает возможность Музею обрести новые черты, обогатить свою творческую жизнь.

Аксёнова умеет с достоинством войти в плотные слои политической атмосферы и победно преодолеть туманные завесы бюрократических кабинетов. О музее, которым наполнена вся ее жизнь, Алиса Ивановна рассказывает охотно, с увлечением. Голос красивый, бархатный, в манерах – великосветское достоинство и доброжелательность; яркая память, образная речь с поэтическими оборотами и хорошее чувство юмора – сочетание качеств, свидетельствующих о богатой и неординарной натуре. Она умеет легко настроить разговор на серьезный лад, не теряя душевной атмосферы. Музей – это заслуга целого коллектива, говорит Алиса Ивановна. Но историю творят личности. Значительные свершения происходят усилиями человека, сумевшего умно, практично и результативно распределить всю работу, увлечь и организовать, провести за собой сотрудников сквозь самые разнообразные препоны, которыми всегда густо и обильно усеян путь подвижника.

Сегодня Алиса Ивановна Аксёнова – президент созданного ею Владимиро-Суздальского музея-заповедника, почетный гражданин Владимирской

области, городов Владимира и Суздаля; она заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Президиума Российского комитета ИКОМ¹ (в 1988–1996 гг. – вице-президент ИКОМ); кавалер пяти орденов, среди которых «Орден Дружбы народов», «Орден Трудового Красного Знамени», «За заслуги перед Отечеством», «Орден патриархии равноапостольной княгини Ольги». Она награждена премией Президента РФ, дважды лауреат Государственных премий (1977, 2000), а также имеет множество зарубежных наград. За всеми этими достижениями, заслугами и наградами – огромный самоотверженный труд, который с уверенностью можно назвать героическим подвигом на ниве российской культуры.

Первые историко-архитектурные музеи-заповедники – Владимиро-Суздальский, Ростово-Ярославский, Горьковский и Костромской – были созданы в сентябре 1958 года Постановлением Совмина РСФСР. Начался процесс активной реставрации ценнейших памятников архитектуры.

Владими́ро-Сузда́льский музей-заповедник был образован на базе областного краеведческого и Суздальского художественного музеев. В его состав были включены самые ценные белокаменные

¹ Российский комитет Международного совета музеев (ИКОМ России) является членом Международного совета музеев ИКОМ (англ. *International Council of Museums*, сокр. англ. *ICOM*).

памятники: Успенский и Дмитриевский соборы XII века, Золотые ворота, Успенский собор Княгинина монастыря, ансамбли Рождественского монастыря во Владимире, Рождественского собора и лестничной башни Боголюбского монастыря, церковь Покрова на Нерли, в Суздале – Рождественский собор XIII века, Архиерейские палаты, ансамбли Спасо-Евфимиевского и Покровского монастырей и церковь Бориса и Глеба XII века в Кидекше.

Целая империя! Но что представляли собой все эти музеи? Владимирский, один из старейших, располагался в холодном здании, построенном в начале XX века на средства любителей старины; Суздальский художественный размещался в восьми залах неотапливаемых Архиерейских палат. Рождественский монастырь занимал КГБ, в Спасо-Евфимиевском монастыре была колония для несовершеннолетних преступниц, в Покровском монастыре – инвалидный дом и много жильцов в бывших кельях. В башнях Золотых ворот, где хранился архив, и в помещениях Владимирского и Суздальского музеев также были жилые помещения.

Предстояло не только привести в порядок ценнейшие памятники Отечества и их фонды, но и создать качественно новую организацию. Нужно было продумать, как реставрировать, охранять, развивать это культурное богатство. И как его пропагандировать.

Музей-заповедник работал уже год, но штат был не укомплектован, перспективный план не разработан, проверка состояния фондов даже не начиналась.

«Важный идеологический участок работы» решили поручить молодому секретарю обкома ВЛКСМ А.И. Аксёновой. Алиса Ивановна к тому времени проработала в комсомоле четыре года, вышла замуж, родила сына. Перевод на новую работу приняла как партийный приказ, без возражений.

Все отделы и службы музея-заповедника размещались в одной комнате. Когда она вошла в здание Исторического музея, глазам предстала неприглядная картина: на бивнях мамонта натянуты веревки – на них сушилось белье. Температура не больше 12 градусов; густой запах щей (в маленькой пристройке живет большая семья сторожа – выселить некуда). В надвратной церкви Золотых ворот военно-историческую экспозицию обогревали четыре печки, стоявшие по углам, – для растопки смотрительница каждое утро носила наверх несколько охапок дров, но температура не поднималась выше 6–8 градусов. В Суздале картина не лучше: в Архиерейских палатах – печи-буржуйки, в фондохранилищах плотный слой инея, в экспозиционных залах бегают мыши... У молодого ди-

ректора поначалу голова пошла кругом: «Господи, да с чего же начать?!» В течение трех месяцев были приняты на работу десять человек, почти все по рекомендации обкома партии, но никто не прижился. Набрала в штат других сотрудников, которые готовы были работать «по-аксеновски»: начинать рабочий день в 8.30, не унывать, не опускать руки, какой бы безвыходной ни казалась ситуация.

Шла, как по тонкому льду, посоветоваться было не с кем, сама принимала решения, всю ответствен-

Фрагмент экспозиции «Минувших дней очарование...» в Палатах

ность брала на себя. Устанавливала нужные контакты, находила общий язык. Обком партии требовал срочно подготовить и открыть отдел советского периода. Фондов было ничтожно мало, экспедиции по сбору материалов никогда не проводились, да и здания подходящего в городе не было. С безотчетной смелостью принимается единственно возможное в той ситуации решение – разобрать экспозицию второго этажа Исторического музея – с Петровских времен и до февральской революции – и на этом

месте создать востребованный властью советский отдел. Нужен был первый шаг в жизни Музея, импульс, от которого начнется подъем (впоследствии все встанет на свои места – найдутся площади для экспозиций и дореволюционного времени, и советского периода). Толковая и четкая работа дала свои результаты – через несколько месяцев (темпы поистине стахановские!) выставка достижений советского народа была открыта. Идеологически выдержанная, насыщенная подлинными памятника-

ми, да еще оформленная с разными выдумками. Это было настоящей сенсацией для музейной общественности страны! Осенью образцовая экспозиция была представлена на Всероссийском совещании музейных работников в Казани, а в феврале следующего – в Москве, в павильоне «Культура» на ВДНХ, в дни, когда в Музее революции проходило Всесоюзное совещание. Выставка поднимала огромный пласт новой истории края. В совместной работе сплотился коллектив, каждый из сотрудников показал, на что он способен. Авторитет музея вырос, стало меняться и отношение к нему местных властей.

Министерское руководство тоже заметило успехи молодого директора, и в 1963 году Аксенову пригласили на пленум ЦК КПСС, посвященный идеологическим вопросам. После разгромной речи Н.С. Хрущева, где крепко досталось великому поэту Пушкину, а потом и советским ученым, которых он сравнил с английскими лордами-бездельниками, выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов. Захлебываясь от возмущения, он

рассказал, что в одном из музеев Владимирской области экспонируется карета с туалетным устройством, демонстрируя преимущество колесного транспорта перед современными автомобилями.

В зале смеялись... Это было испытание. Через несколько месяцев представился случай – и Алиса Ивановна его не упустила, на очередном заседании идеологической комиссии ЦК КПСС она взяла слово и решительно высказалась в защиту музейной культуры. Конечно, выступление получилось «скандальным». Одни с уважением поздравляли, другие намекали на неминуемые последствия.

Но все, на удивление, обошлось, и работа музея-заповедника продолжилась. Алиса Ивановна отмечает, что незримая рука судьбы, Его Величество Случай нередко выводили ее из опасной зоны по специально подготовленной тропе – в обход событий драматических и сокрушающих. С каждым «перевалом», преодолением работа, которой она посвятила жизнь, становилась сердцу еще дороже.

В середине 60-х годов произошел «музейный взрыв» – посещаемость музеев резко возросла. Со-

здается Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), организуется туристический маршрут по древнерусским городам – «Золотое кольцо». Пришла мода на Суздаль – жемчужину русской культуры. Наплыв туристов был такой, что экскурсоводов не хватало! Организовали специальные курсы – и десятки хорошо обученных внештатников помогли распределить нарастающий поток туристов по нескольким маршрутам.

Постепенно музей набирал опыт: рос профессионализм сотрудников, повышалось качество экспозиций, сформировалась устойчивая способность самостоятельно

Президент Д.А. Медведев и А.И. Аксёнова в Спасо-Преображенском соборе Спасо-Евфимиева монастыря. Торжества по поводу открытия возрожденного памятника – часовни Д.М. Пожарского. 4 ноября 2010 г.

зарабатывать средства для развития музея. Сумели подставить плечо и «младшим» – в 1974 году на базе Владимиро-Суздальского музея-заповедника было создано Музейное объединение области, которое просуществовало 14 лет и дало значительный импульс к развитию девяти городских и районных музеев.

Отдел пропаганды и агитации обкома год от года выдвигал «повышенные требования». В вышестоящие инстанции направлялись справки о работе Владимиро-Суздальского музея-заповедника, в которых сообщалось: «В экскурсиях крайне недостаточно пропагандируется роль Коммунистической партии в социалистическом и коммунистическом строительстве», «не раскрывается реакционная сущность церкви при характеристике архитектурных памятников», «не получают должного раскрытия такие важнейшие темы, как “Ленин и наш край”, “Революционное движение в крае” и т.п.». По большей части это были лживые заключения. Каждый экскурсовод рассказывал и про ленинскую политику охраны памятников, и о героях соцтруда. Но показывать прекрасную древнюю архитектуру, фрески Рублева и при этом активно разоблачать «реакционную сущность церкви» – это было непосильной сверхзадачей!

«Когда меня спрашивают, что было самым трудным в те годы, я отвечаю: идеологическое

Алиса Ивановна Аксёнова

давление, требование остроклассовой оценки абсолютно всех исторических событий, активная атеистическая пропаганда, доказательства (на чем угодно!) «преимуществ достижений советской эпохи». Местных начальников раздражало не только непослушание директора, но и то, что обращалась она к властям не с застенчивыми просьбами, а с настойчивыми требованиями. В ее биографии есть даже такая формулировка выговора: «За проявленную нескромность»!

В середине семидесятых годов тучи сгустились так плотно, что встал вопрос о смене руководства музея-заповедника. Крутому повороту событий помешал полуофициальный визит члена Политбюро ЦК КПСС А.П. Кириленко и секретаря ЦК И.В. Капитонова с женами. Все увиденное и услышанное произвело на гостей весьма позитивное

впечатление. Экскурсии такого уровня Алиса Ивановна всегда проводила сама, она умела дипломатично и тонко выстроить диалог, и через несколько дней после высокого визита не только был снят вопрос об отстранении Аксеновой от должности, но она была представлена к награждению орденом. А завершением долгих переживаний в 1977 году было вручение ей Государственной премии РСФСР. «Все-таки справедливость существует!» – говорит Алиса Ивановна.

Восьмидесятые годы принесли новые испытания. С началом перестройки церковь потребовала возврата почти всех культовых зданий, занимаемых музеем. Это было крайне несправедливо! В течение многих лет коллектив музея-заповедника вел грамотную и профессиональную работу, на заработанные средства отремонтировал полуразрушенные помещения, привел в надлежащий вид страшно запущенные здания. В них разместились экспозиции, которые привлекали огромное количество посетителей, а также хранилища, реставрационные мастерские... К началу 90-х годов в прессе появилось множество публикаций, авторы которых с пафосом восклицали «Богу – Богово». Притязания церкви поддерживали центральные и местные власти.

Понимая, что нельзя допустить разорения заповедника, Алиса Ивановна выдвигает властям ответное требование, вынужденный ультиматум: предоставить музею помещения в здании Присутственных мест².

...Холодный осенний день 1941 года. Немцы уже под Москвой. Владимирская администрация проводит спешную эвакуацию. Из длинного унылого здания Палат торопливо выносили мешки, большие связки бумаг и папок, часть из них закидывали в грузовики, остальное выбрасывалось... Две маленькие девочки с интересом перебирали и рассматривали твердые папки в лощеных пестрых обложках, толстые книги, исписанные красивым каллиграфическим почерком... Выбрасывалось! А ведь это были архивы, доклады, доносы, учеты, отчеты – бумаги, которые писались в этом здании со времен Павла Первого. Тогда, в далеком военном детстве, когда они с подружкой стали свидетелями утраты, быть может, ценнейших документов, Алиса и предположить не могла, что ее судьба будет связана с сохранением огромного количества исторических и культурных ценностей.

Зимой 1960 года в здании Палат произошла ее первая встреча с коллективом музея-заповедника. «Представить, что на этой плотно заселенной прокуренной площади будет когда-то му-

² Присутственные места, или Палаты, – здание, построенное в 1790 г. по проекту архитектора К.И. Бланка для губернской администрации. В советское время его занимали многочисленные управления облисполкома.

зей – самой безудержной фантазии не хватило бы!»³ – говорит Алиса Ивановна. Но именно этот «огромный, каменный, о трех этажах» дом неожиданным образом оказался пространством ее новых свершений...

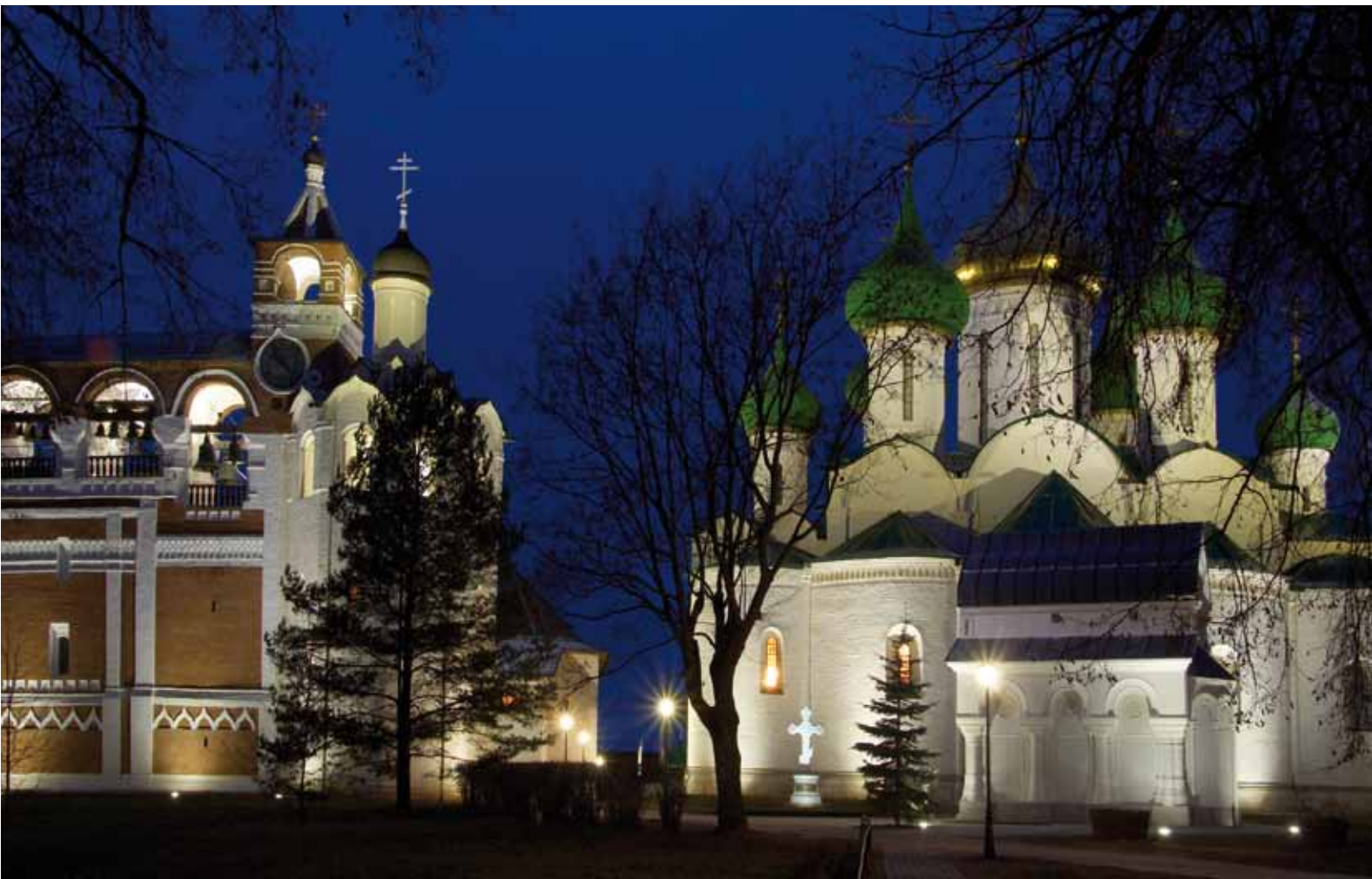
В процессе передачи музейных помещений аппетиты церкви разгорались – в общей сложности пришлось отдать 17 зданий. Чтобы сохранить музей, за каждый памятник культуры Алиса Ивановна востребовала несколько кабинетов в Присутственных местах, где заседали налоговая инспекция, налоговая полиция, комитет по земельной реформе – всего тридцать пять организаций. Сколько было писем, жалоб, требований, заседаний арбитражного суда!

В 1994 году Палаты решили передать Законодательному Собранию. Но во время предвыборной кампании все кандидаты выразили готовность уступить здание музею, о чем провозглашали в газетах и на телевидении. Закончились выборы – и неожиданно выходит решение отнюдь не

в пользу музея, подписанное вице-губернатором Г. Волковым. «Мы пошли на отчаянный шаг, – вспоминает Алиса Ивановна, – заняли то, что было обещано нам *до выборов*. Два дня перетаскиваем картины, скульптуру, часы, фарфор в те помещения, куда должна переехать на днях Дума! Повесили таблички с обозначением хранилищ. После этого – звоним в администрацию: переселение закончено!» Губернатор был в ярости и поставил вопрос о замене директора. Но не решился...

А в музее тем временем готовили экспозицию «Древнерусская школа», открывали оригинальную выставку «Минувших дней очарованье», прорабатывали концепцию Детского центра, за организацию и работу которого Генеральный директор музея-заповедника А.И. Аксёнова получит Премию Президента. Не проявить гражданское мужество, не отстоять права культуры в атмосфере разрушительных политических компаний Алиса Ивановна не могла! И, как это бывало не раз в ее жизни, Судьба вновь вывела ситуацию из критического лаби-

³ Аксёнова Алиса. История. Судьба. Музей. Владимир: Посад, 2001. С. 200.

Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в огнях ночной подсветки

ринта. Жизнь Музея продолжилась, а через четыре года он получил высокую международную оценку – на конкурсе Музейного форума при Совете Европы был назван в числе десяти лучших музеев года и удостоен диплома «Особая похвала-признание».

Музей-заповедник в своем трудном и беспокойном становлении, в стремительном развитии постоянно живет в поиске новых идей, новых проектов. Как-то, побывав в Финляндии на празднике чеснока, Алиса Ивановна загорелась идеей организовать нечто подобное на родной земле. Традиция привилась – теперь в Суздале ежегодно проводится День огурца. Жарким летом 2010 года на юбилейный праздник приехали более 11 тысяч человек. В Палатах, которые превратились в Музейный культурно-образовательный центр, постоянно обновляются экспозиции, проводятся специальные детские программы, романтические вечера и балы для молодежи.

Теперь можно было бы и почитать на лаврах, но Алисе Ивановне чужда такая жизнь, застойный покой никогда не проникнет в ее «музейную им-

перию», где увлеченно и вдохновенно трудятся десятки квалифицированных сотрудников.

По-прежнему не безразлично Аксёновой все, что происходит в культурной жизни города, области и за ее пределами. При въезде во Владимир нерадивые «хозяева» намерены водрузить огромные стелы, на что уйдет 10 миллионов рублей! Земли Суздаля застраиваются, разрушается исторический и культурный ландшафт. Постоянное давление испытывают и многие другие музеи страны: церковь все настойчивей требует отдать ей исторические архитектурные памятники, которые были подняты из полного разорения и запустения, отреставрированы силами самих музеев и десятилетия служили прославлению великолетия древней русской культуры! Новый век приносит новые возможности, но вместе с тем создает новые проблемы. «У пришедших к власти не появилось чувство морального обновления, личной гражданской ответственности, осознания, что принимать решения, руководить можно, только имея уровень общей культуры, знаний, житейского опыта, совестливости. Хмель полу-

Экспозиция «Русский дом» в Детском музейном центре в Палатах г. Владимира

«Праздник огурца» в Музее деревянного зодчества. Суздаль

ченной власти крепко ударил в голову, появилось сознание собственной значимости и веса, агрессивность; без колебаний, сомнений, раздумий стали приниматься важные решения»⁴, – пишет Алиса Ивановна. Проблемам музейной жизни Аксёнова посвятила немало острых статей. В ее книгах раскрывается литературное дарование автора, гражданский темперамент, предстает ценный опыт прожитого пути. С готовностью, отзывчиво она оказывает помощь многим музеям. Давняя дружба и взаимопомощь связывает коллектив заповедника с Международным Центром-Музеем имени Н.К. Рериха, идет обмен культурными проектами, опытом работы и, в случае необходимости, защита словом и делом.

Сегодня слава Владимиро-Суздальского музея-заповедника облетела весь мир – сюда едут туристы из разных стран; посещаемость стабильно высокая: миллион двести тысяч туристов в год. Это прекрасный результат многолетних усилий несменного директора и ее преданных сотрудников.

«Как красота, не проникнутая душой, мертва, так и победа без подвига – не триумф, а попросту везение...», – считает Алиса Аксёнова.

Полвека свершений и борьбы – достойная судьба! А впереди еще много дел и забот. Как пишет Алиса Ивановна, завершая одну из своих книг, «каждый юбилей – это новые рубежи».

В Детском музейном центре в Палатах

⁴ Аксёнова Алиса. История. Судьба. Музей. С. 7.